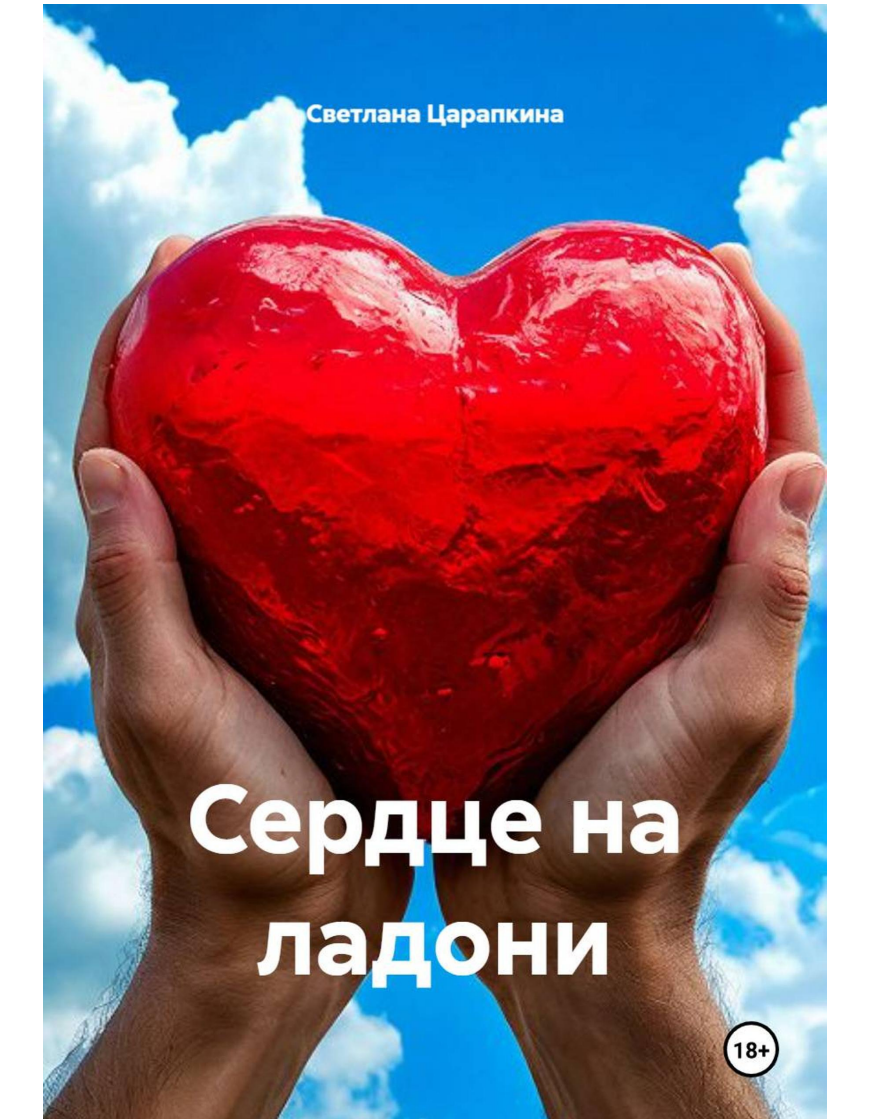

Светлана Царапкина

Сердце на ладони

18+

Светлана Царапкина

Сердце на ладони

<https://litres.ru/74144802>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главная героиня - наша современница, на чью долю выпали горе и предательство, любовь и ненависть, но она осталась верна себе и своим идеалам.

Содержание

Часть 1	6
1	6
2	11
3	15
4	20
5	29
6	36
7	42
8	50
9	56
10	60
11	65
12	73
13	77
14	87
15	93
16	99
17	108
18	113
19	120
20	125
22	134
23	141

24	148
25	156
Часть 2	168
1	168
2	173
3	181
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Светлана Царапкина

Сердце на ладони

Нужные слова в нужное время могут изменить жизнь

Часть 1

Год святого Валентина

1

Пасмурным осенним днем Снежана пришла устраиваться на работу в одно из силовых Ведомств. Она надеялась, что работа поможет ей справиться с депрессией из-за смерти сына и развода с мужем, но все оказалось гораздо сложнее.

Дожав, наконец, отдел кадров, чему предшествовало множество треволнений, Снежана явилась на прием к начальнику отдела подполковнику Атаманову. После краткой беседы тот отправил ее в отделение учета технических средств познакомиться с будущими коллегами по работе.

Снежана в сопровождении офицера-кадровика Винникова вышла от Атаманова и, подходя к бронированной металлической двери с предостерегающей надписью «Посторонним вход воспрещен», увидела Его. Он стоял в дверях соседнего кабинета и смотрел, как она идет через широкий холл. Позднее оказалось, что это был непосредственный начальник Снежаны — майор Владлен Олегович Шмелёв. Он сразу обращал на себя внимание высоким ростом и стройностью фигуры, весьма своеобразным овалом лица и большими ка-

рими глазами. Несмотря на всю привлекательность Шмелёва, Снежана интуитивно ощутила исходящую от него опасность, и у нее промелькнула мысль, что связь с таким мужчиной способна принести женщине лишь одни неприятности. Было очевидным, что Владлен хорошо знал себе цену. Это читалось в его несколько сумрачных глазах, хранящих выражение интригующей смеси высокомерия, пресыщенности жизненными удовольствиями и легкого налета флегматичной циничности. Он не выказывал явной заинтересованности Снежаной, он просто наблюдал. Шмелёв производил впечатление закрытого человека, обладающего даром удерживать людей на расстоянии, не прикладывая к этому особых усилий. Он каким-то непостижимым образом сразу давал понять, что проникнуть в его душу никому не удастся, а сам он и не подумает открывать ее перед вами.

В отделении учета старшая паспортистка Лидия Ивановна Осокина, маленькая полненькая женщина лет пятидесяти, с приятным лицом и живыми карими глазами, усадила Снежану за свой компьютер и велела что-нибудь напечатать, а затем сказала, поджав губки, что новенькую надо всему учить.

Освободив место Лидии Ивановны, Снежана в растерянности осталась стоять возле ее стола, озираясь по сторонам. Из двери кабинета, смежного с компьютерным залом, появился Шмелёв. Остановившись возле Снежаны, он с игривой улыбкой заметил, что если начнутся какие-нибудь шутки, то пусть она не обращает на это внимания. Снежана едва

ли не с ужасом воззрилась на него. Ей было совсем не до шуток, и уж тем более не до флирта. В ответ на слова Шмелёва Лидия Ивановна возмущенно воскликнула:

— Какие шутки? У нас тут все очень серьезно!

Тот только усмехнулся и ушел в свой кабинет.

В ожидании приема у вышестоящего начальника, который должен был дать окончательное добро на трудоустройство Снежаны Большаковой, Лидия Ивановна поручила той разложить по алфавиту учетные карточки. Ошеломленная обилием новых впечатлений, Снежана прошла по узкому проходу между зарешеченными окнами и рядом компьютерных секций, где работали сотрудницы, и примостилась на краешке кресла за последним столом. Голова у нее шла кругом. Стрекотание принтеров оглушало. Мысль о том, что теперь почти вся ее жизнь будет проходить в этом шумном кабинете, приводила в отчаяние. Снежана была уверена, что никогда ничего не поймет и ничему не научится. Ей хотелось вскочить и убежать отсюда подальше, но чувство ответственности заставляло старательно выполнять порученную работу.

В половине первого в Ведомстве начинался обеденный перерыв. Так и не попав на прием к заместителю начальника ведомства подполковнику Каримову, Снежана спустилась на первый этаж, где ее ждала мама, которая в этот сложный период старалась всячески поддержать дочь. Выйдя из дверей здания, они побрели по улице в поисках магазина, чтобы ку-

пить что-нибудь перекусить. Потом мать с дочерью зашли в какой-то двор, присели на лавочку, и тут Снежана дала волю слезам. Она ела печенье, запивая его соком, и плакала. Серафима Николаевна утешала ее, как могла, хотя была в шоке от реакции дочери. Затем они решили, что если за месяц Снежане не удастся привыкнуть к работе, то она уволится, и в Ведомство они вернулись немного успокоенные.

Во второй половине дня Снежану наконец-то принял подполковник Каримов. В его кабинете присутствовали начальник подразделения Атаманов, его заместитель и одновременно начальник отделения учета Шмелёв, а так же кадровик Винников.

Подполковник Каримов оказался невысоким мужчиной средних лет с негромким, спокойным голосом. Он просмотрел дело Большаковой, спросил, есть ли у нее семья, и посетовал, что по возрасту ей уже поздно аттестовываться, чтобы получить погоны. Затем сказал, что не против ее трудоустройства и поблагодарил за беседу, после чего Снежана вернулась теперь уже в свое отделение.

Рассчитывая, что разговор с начальством продлится недолго, Снежана не взяла с собой рекомендованное врачом лекарство, и обратилась к Осокиной с просьбой отпустить ее домой, сказав, что чувствует себя неважно, а таблетки не взяла. На что старшая паспортистка сухо заметила, что Снежану и так приняли сразу без испытательного срока, поэтому пусть уж она будет добра дождаться конца рабочего дня, тем

более что и остался всего-то час. Снежана молча вернулась на свое место за последним столом.

Услышав этот разговор через открытую дверь своего кабинета, Шмелёв подошел к столу Лидии Ивановны.

— Таблетки? Какие таблетки? — спросил он, и не получив ответа, удалился.

Несколько минут спустя он оказался возле Снежаны и велел ей идти за ним. Та поднялась с кресла, недоумевая.

— Возьми свои вещи, — сугубо деловым тоном сказал Шмелёв и повел ее в кабинет к Атаманову.

Атаманов мягко пожурил Снежану за то, что ей едва подписали приказ, а она уже отпрашивается, но отпустил.

В родные пенаты Снежана вернулась уставшая, в подавленном настроении.

Для Снежаны началась совершенно другая жизнь. Ей было очень трудно привыкать к работе в большом коллективе после долгих лет вынужденной изоляции, когда все ее общение ограничивалось семьей. После четырех дней работы у Снежаны случился сердечный приступ. Испуганная Серафима Николаевна вызвала «Скорую помощь». Приехавший врач сказал, что это «нервы», сделал успокаивающий укол и порекомендовал пригласить на дом участкового врача. На следующее утро пришла терапевт Медведева и, хотя у Снежаны еще не было медицинского полиса с нового места работы, выписала больничный.

Медведева назначила Снежане кучу анализов, а также дала направление к психотерапевту. Специалист не нашел у Снежаны ничего серьезного, но сказал, что если пациентка не возьмет сама себя в руки, то медицина ей не поможет. Еще врач добавил, что он, конечно, может написать в истории болезни, что Снежана не годна к работе, но тогда это прямая дорога в психбольницу. Что касалось таблеток, которые ей выписал психотерапевт, то Снежана однажды уже испытала на себе «помощь» транквилизаторов. После того, как она узнала, что ее единственный сын неизлечимо болен, у нее начались проблемы с нервами, и тогда Снежане назначили антидепрессанты, но результат оказался совсем не тот, ко-

торый ожидали врачи. Сначала при приеме таблеток у Снежаны наступало незначительное улучшение, а после — подавленное настроение и состояние, близкое к «ломке» наркомана. Поэтому Снежана отказалась от приема подобных лекарств. Тем более что самой большой ее проблемой была бессонница, а антидепрессанты вместо того, чтобы облегчить страдания, оказывали обратное действие.

Владлен отложил ручку и задумчиво уставился в окно. Его мысли постоянно возвращались к новенькой паспортистке. Казалось, все уже было решено. Они с Эльвирой договорились, что после Нового года одновременно подадут на развод со своими дражайшими половинами.

Владлен не задумывался, любит ли он Эльвиру. Да он и не верил в любовь. Просто ему надоели ревность Марины и ее постоянные истерики. А Эльвира всегда вела себя с ним спокойно, мягко и не стремилась к верховодству. К тому же она была красива, молода, неутомима в сексе и, что немало важно, богата. И вот теперь, когда счастье казалось таким близким, случилось непредсказуемое: он встретил Снежану.

Во всем ее нежном облике, тщательно зачесанных волосах, собранных узлом на затылке, в отсутствии косметики, за исключением помады на губах, было что-то беззащитное, неиспорченное и по-детски трогательное. При ознакомлении с личным делом Большаковой Шмелёв узнал о ее трагической судьбе, что конечно не оставило его равнодушным, но

только заглянув в печальные глаза Снежаны, в глубине которых затаилась боль, он испытал жалость. После смерти Святославы он считал, что не способен на подобное чувство, и лишь Снежана вновь пробудила у него жалость и потребность защищать ее.

Известие о болезни Снежаны огорчало Владлена, но он успокаивал себя мыслью, что это всего лишь сезонная простуда.

В ночь перед выходом на работу после болезни Снежана почти не спала. Утром она чувствовала себя настоящей развалиной и сказала матери, что если так будет продолжаться и дальше, то она умрет, на что Серафима Николаевна, сама измученная состоянием дочери, ответила:

— Ну, значит, умрем вместе! Чем так жить, лучше и вправду умереть!

Обдумав эти слова, Снежана пришла к выводу, что психотерапевт был прав, и в подобных обстоятельствах только сам человек способен себе помочь. Скрепя сердце и собрав остатки сил, она поднялась с постели и поплелась в Ведомство.

Там ее встретил оживленный Шмелёв.

— Ты зачем сюда пришла, Снежан? Тебя с нетерпением ждут в Управлении, в отделе кадров, — полушутливо заметил он.

Захватив папку и чистую дискету для личного дела, Снежана поехала в Главное Управление. Добираясь на маршрут-

ке до центра города, Снежана думала о работе и о начальнике, который после своей шутливой реплики неожиданно предстал перед ней совсем в ином свете. Эти, на первый взгляд ничего не значащие слова Шмелёва помогли Снежане по-новому взглянуть на жизнь. В ее душе зародилась надежда, что впереди еще обязательно будет что-то хорошее.

С этого дня Снежана пошла на поправку.

После выхода из отпуска одной из паспортисток, в компьютерном зале не осталось свободных мест, и Осокина отправила Большакову нумеровать папки в кабинет Шмелёва и Амира Хайруллина, еще одного зама Атаманова.

У Снежаны не было полиса медицинского страхования, и она решила обратиться за помощью к Шмелёву. Тот стоял посреди кабинета, гордо выпрямившись, широко расставив ноги, с чашкой чая в руке, и сразу было видно, что он чувствует себя здесь полновластным хозяином.

— Владлен Олегович, не подскажите, как мне получить медполис? — застенчиво спросила Снежана.

Поднеся чашку к губам, Шмелёв застыл, с изумлением рассматривая паспортистку с высоты своего немаленького роста, словно какую-то диковину. Его темные изучающие глаза были полны подозрительности. Затем, удовлетворившись наблюдением, он сделал большой глоток чая и, возвращаясь на свое место за столом, пообещал заняться этим вопросом на следующий день с утра.

Утром Снежана снова сидела в кабинете, нумеруя папки. Она решила не напоминать начальнику о своей вчерашней просьбе, но тот, закончив какие-то неотложные дела, поднялся из-за стола и сказал:

— Ну, пойдем!

Почему-то Амир принял эти слова на свой счет и без возражений поднялся, но, взглянув на Шмелёва и Большакову, понял, что приглашение относилось вовсе не к нему, и со смущенной улыбкой уселся обратно в свое кресло.

Снежана заложила шариковой ручкой папку, которую нумеровала, и торопливо вскочила. Шмелёв стремительной летящей походкой преодолел уже полхолла, когда Снежана только появилась из дверей кабинета. Остановившись возле выхода на лестницу, Владлен с невозмутимым видом ждал ее.

Они спустились на второй этаж в канцелярию, где летом Большакова проходила несколько дней стажировки, но тогда с трудоустройством возникли неожиданные препятствия, и теперь начальница канцелярии Юрлова и ее помощница Лера очень удивились, увидев Снежану в сопровождении Шмелёва. Когда Владлен поинтересовался насчет полиса для Снежаны, Юрлова недовольно заметила:

— Для этого нужно время.

— Не могли бы мы сделать это как-нибудь побыстрее? — проникновенным тоном спросил ее Владлен.

Но тут выяснилось, что для того, чтобы получить медполис, нужно пенсионное страховое свидетельство.

— У меня нет свидетельства, — растерялась Снежана.

Владлен удивленно глянул на нее через плечо. Подобные взгляды искоса были характерны для него. Узнав, где и как можно получить страховое свидетельство, начальник и под-

чиненная вернулись в свой отдел.

Амир Хайруллин сразу заметил интерес Шмелёва к новенькой сотруднице и, зная того, как большого любителя пофлиртовать с симпатичными женщинами, решил разузнать, что тот собирается предпринять в отношении Снежаны. Разговор он завел издалека.

— Ты на тренировки по стрельбе ходишь? — спросил он у коллеги.

— Да уж давненько не упражнялся.

— Помнится, ты всегда стрелял без промаха! — не без зависти заметил Амир.

— Да, было дело, — пожал плечами Шмелёв, не собираясь вдаваться в подробности.

— А теперь как у тебя обстоят дела? — не унимался Хайруллин. Мне кажется, тебе снова стоит заняться стрельбой!

С этими словами он многозначительно кивнул головой в сторону Большаковой, на что Шмелёв отшутился:

— Прицел сбился...

Сидя в кабинете замов Снежана не могла не заметить, какими восхищенными глазами смотрит на нее Шмелёв. И однажды она поняла, что ей хочется как можно чаще видеть этого необыкновенного мужчину, и слышать его завораживающий голос. Вот так обжигающие взгляды прекрасных карих очей Владлена пленили сердце Снежаны.

Порой Снежане казалось, что она нравится Шмелёву, но

ей не очень верилось в это. У нее совсем не было опыта в общении с мужчинами, а уж офицер из силового Ведомства, к тому же занимающий немаленькую должность, был ой как непрост. Как свойственно всем воздушным знакам, а Близнацам в особенности, Владлен имел характер независимый и переменчивый. Его настроение не отличалось ровностью и предсказуемостью. Первую половину дня он мог быть весел и легок в общении, а после обеда неожиданно превращался в угрюмого мизантропа.

Не проходило дня, чтобы окружающие Снежану женщины, особенно Осокина, не заводили разговор о невыносимом характере Шмелёва, а один из офицеров младшего состава и вовсе величал его за глаза «скотиной». Но сама Снежана не разделяла их мнения; ей Владлен не сделал ничего дурного, а наоборот опекал ее.

Как-то он спросил Снежану:

— Ну что, не устала работать с нами?

— Нет, мне нравится.

Владлен был удивлен, и серьезно заметил, что Снежана воистину дивная женщина, причем слово «дивная» повторил дважды.

— Жизнь заставит... — опустила глаза Снежана.

Шмелёв не стал возражать.

Снежану поражало, что некоторые подробности ее жизни (смерть сына, развод, а также то, что она очень долго не работала) вызывали у Владлена сочувствие, в то время как

ее не в состоянии были понять женщины. Он видел, как тяжело Снежане привыкать к работе и старался теплым взглядом, ласковым словом поддержать ее. Разве после всего этого Снежана могла остаться равнодушной к такому мужчине?! А чего стоили его удивительные карие глаза, которые иногда изучающе останавливались на ее лице! Тонкие морщинки в уголках его глаз, когда он улыбался ей, вызывали у Снежаны прилив нежности.

В декабре Шмелёв, замещая ушедшего в отпуск Атаманова, перебрался в его кабинет. В те дни Снежана, отправляясь на второй этаж в дамскую комнату, и проходя мимо открытых дверей кабинета, замечала, что если у Владлена не было посетителей, он неподвижно сидел, погруженный в меланхолию, и казался отстраненным, словно вышедший в астрал йог. В такие моменты Снежану пугало его бездушие.

Незадолго до Нового года Снежане подошло время получать банковскую карту, на которую должны были перечислять зарплату, и она решила отпроситься у начальника в сбербанк. Выслушав ее просьбу, Шмелёв весело осведомился:

— И ты хотела бы сделать это именно в рабочее время?

Получив утвердительный ответ, он разрешил подчиненной ненадолго отлучиться. В дверях кабинета Снежана обернулась и с откровенным любованием глянула на начальника, который с нескрываемым интересом смотрел ей вслед. Нежные округлые руки Снежаны, просвечивающие сквозь прозрачную ткань черной блузки, манили Владлена коснуться их, и он не стал противиться этому желанию. Поднявшись со своего кресла, Шмелёв с загадочной улыбкой приблизился к Большаковой, и легонько дотронулся до ее локотка, словно выпроваживая из кабинета. Снежана вопросительно взгля-

нула на Владлена. Он ответил ей смеющимся взглядом.

Снежана ненадолго отвлекла Владлена от тягостных раздумий, но едва за ней закрылась дверь, как тревоги и опасения начали терзать его с новой силой. Чем меньше времени оставалось до Нового Года, тем все большее беспокойство закрадывалось в душу Владлена. Он уже не был уверен, что принял правильное решение, собравшись развестись с Мариной, чтобы жениться на Эльвире. Ум и сердце подсказывали ему, что кроме красоты и спокойного нрава в женщине должно быть еще что-то, чего недоставало Эльвире, и что неожиданно открылось ему в Снежане. Однажды он уже совершил ошибку, выбрав в жены Марину, так зачем же было снова повторять ее? Женитьба на Эльвире ничего не изменит в его жизни. Ощущение новизны быстро пройдет, а ему хотелось праздника на долгие годы. Интуиция подсказывала Владлену, что со Снежаной у него никогда бы не было серых будней.

Марина всегда ревновала своего мужа, подозревая его во всех тайных грехах. Да что там подозревала! Она точно знала, что Владлен не прочь приударить за приглянувшейся ему женщиной. Какой же мукой для Марины было видеть, как Владлен, оказываясь в женском обществе, всякий раз пускал в ход набор красноречивых взглядов, картинных жестов, обворожительных улыбок, желая очаровать всех дам без ис-

ключения. И все же, несмотря на бурные всплески жгучей ревности, когда Марина была готова поубивать не только всех этих наглых, охочих до чужих мужиков, баб, но и главного виновника своих терзаний, она считала свою семейную жизнь достаточно стабильной. Но прошлым летом их взаимоотношения с мужем дали глубокую трещину. Владлен, до недавнего времени старательно игравший роль примерного семьянина, начал задерживаться по его уверениям на работе, а по возвращении домой у него возбужденно блеснули глаза, и от одежды пахло изысканными женскими духами. Марина с отчаянием осознавала, что муж все больше отдаляется от нее. Характер Владлена, и прежде не сахарный, стал совершенно невыносимым: чуть пересоленный суп, не очень тщательно отутюженная рубашка – все вызывало у него взрыв язвительного негодования. Своими мелочными придирками, обидной критикой в ее адрес муж нередко доводил Марину до слез. Видя мокрые глаза жены и недовольное лицо тестя, Владлен умолкал и уходил из комнаты, громко хлопнув дверью. На какое-то время устанавливался хрупкий мир, а затем все повторялось сначала.

На все попытки жены воззвать к его здравому смыслу Владлен отвечал, что ему все осточертело. Как-то, потеряв всякое самообладание, Марина закатила ему грандиозный скандал.

— Мое терпение лопнуло и так жить дальше я не намерена! — прокричала она.

Владлен взглянул на нее чужими глазами и буднично обронил:

— Ну, если тебе так невыносима наша совместная жизнь, давай разведемся.

Марине стало плохо. Она не представляла своей жизни без Владлена. И тогда она приняла решение любым способом привязать мужа к себе.

Марина узнала адрес человека, способного помочь ей. В одну из суббот, когда муж был на службе, она за рулем отцовской «Волги» добралась до отдаленного чувашского села. Домой Марина вернулась с пузырьком, наполненным какой-то жидкостью, и с надеждой, что снадобье ее не подведет. Знахарь велел добавить содержимое таинственного пузырька в водку и напоить этим зельем неверного мужа. По наущению того же ведуна Марина купила дорогое золотое кольцо и массивную золотую цепочку для Владлена. Ревнивица еще раз съездила в Чувашию и колдун, проведя особый обряд над «подарками», заверил, что теперь его клиентке не о чем беспокоиться: отныне муж будет всецело принадлежать только ей одной.

Из банка Большакова вернулась через полтора часа. Как обычно, случились накладки. В пластиковую карту неправильно внесли имя Снежаны, и ей пришлось написать несколько заявлений на замену карты.

Войдя в кабинет Шмелёва, Снежана начала оправдывать-

ся:

— Владлен Олегович, я не виновата!

Пока Снежана с небывалым для себя красноречием рассказывала о причине ее столь долгой задержки, Владлен пристально всматривался в лицо раздумавшейся на морозе женщины испытующим взглядом. В ответ на ее объяснения он только махнул рукой, и было непонятно, поверил он ей или нет.

Снежана стала замечать, что Владлен усиленно пытается разрешить какую-то важную для себя проблему, и с чисто женской проницательностью предположила, что это связано с его семейными отношениями. Ее догадку подтвердил случайно услышанный разговор Винникова со Шмелёвым. Кадровик, сам находящийся в стадии развода, и бывший в курсе домашних неурядиц Владлена, поинтересовался:

— Как дела на личном фронте?

— Плохо, — с нескрываемой горечью отозвался тот.

Снежане стало жаль Владлена. Как бы ей хотелось помочь ему, но он не нуждался в ее помощи. Да и откуда он мог знать об истинных чувствах Снежаны, ведь она всегда была молчалива и сдержанна, и даже в ответ на его расспросы не могла сказать ничего оригинального и многозначительного, а порой попросту вразумительного?! Скорее всего, Шмелёв замечал, что нравится ей, но вряд ли понимал, насколько дорог!

Где-то за две недели до похода Снежаны в сбербанк, в Ведомстве меняли старую компьютерную программу на новую, более развернутую, и Владлен, которого беспокоила неопределенность положения Снежаны в отделе, заставил ее попробовать свои силы в основной работе паспортистки. До этого Шмелёв не единожды подступался к Лидии Ивановне с требованием допустить Снежану к компьютеру, но та ему всякий раз язвительно возражала:

— Вот сейчас все брошу, и буду ее учить!

Шмелёв, задетый демонстративными выпадами Осокиной, нашел повод, чтобы вклеить старшей паспортистке строгий выговор. Лидия Ивановна повозмущалась, но после этого стала сдержаннее выражать свои эмоции в присутствии начальника.

Потеряв надежду, что старшая паспортистка изменит свое отношение к Большаковой, Владлен сам заставил Снежану сесть за компьютер «выправлять ситуацию», как он выразился. Снежана не стала отнекиваться, тем более что ей было стыдно заниматься одними лишь папками. Компьютерщики, которые устанавливали в отделе программу, завели Снежане код, и она приступила к работе. Вначале не обошлось без ошибок. И хотя учетное свидетельство было безнадежно испорчено, Шмелёв назвал это «ма-а-ленькими ошибочками», а затем философски заметил:

— Через тернии к звездам!

Если Лидия Ивановна не одобряла развитую Владленом бурную деятельность, то он был весьма доволен тем, что Снежана не стала ему перечить и села за компьютер. Владлен был настолько горд за Снежану, что невольно поставил ее в неловкое положение перед другими сотрудницами.

Стоя за застекленной перегородкой, Шмелёв наблюдал за Снежаной и вдруг позвал одного из своих подчиненных:

— Лосев, посмотри, как Снежана работает!

Тот глянул на Снежану удивленно вытаращенными глазами, но поразила его вовсе не она, (эка невидаль – работает!), а восторженный тон Владлена.

Затем подошел Амир. Он тоже задержался возле Большаковой и даже дал ей дельный совет. Владлену это не понравилось, и он прогнал Амира от стола Снежаны:

— Иди, визируй документы!

— Хитрый Владлен! — засмеялся тот и ушел.

Снежана была поражена. Владлен словно ревновал ее к Амиру, или хотел, чтобы она так думала. Эта выходка Шмелёва подтверждала расхожее мнение, что все мужчины как дети. Хотя, возможно, так Владлен завлекал ее в свои сети.

Не смотря на усилия Шмелёва, желающего видеть Снежану полноценным, знающим сотрудником, старшая паспортистка не торопилась обучать ту всем тонкостям работы. Она считала Большакову не способной освоить профессию паспортистки и надеялась, что отчаявшись, та уволится по соб-

ственному желанию. Но сама Снежана не намерена была сдаваться, и когда ей предоставлялась возможность, смело садилась за компьютер. Сказать по правде, новая программа казалась ей гораздо понятнее, чем прежняя, хотя девчонки из отдела были противоположного мнения.

Замечая предвзятое отношение старшей паспортистки к Снежане, Владлен даже спрашивал свою подчиненную, нет ли у нее каких трудностей в освоении компьютера.

Когда в очередной раз Шмелёв увидел, что Большакова снова возится с папками, он спросил старшую паспортистку, почему Снежана не работает на компьютере как другие. Осокина, считавшая себя главным начальником над паспортистками, с вызовом ответила ему:

— Она работает!

Осокина полагала, что выбирать карточки и собирать документы в папки, это тоже работа, причем, по ее мнению, самая подходящая для Большаковой.

Чуть позже Лидия Ивановна безапелляционно проговорила:

— Снежана, бросай папки и иди выбирай карточки!

Та с неохотой оставила незаконченную работу. Стоящий в дверях кабинета Шмелёв заметил недовольство Снежаны. Не желая вступать в открытую перепалку со старшей паспортисткой, все же не смог сдержать язвительного замечания:

— Она работает!

Владлен заступил Снежане дорогу, глядя на нее с насмеш-

ливо-интригующим видом. Большакова с кроткой улыбкой подняла на него глаза, и он молча посторонился, пропуская ее.

С первого дня своего появления в Ведомстве Снежана чувствовала себя оторванной от интересов женщин их отдела. Они обсуждали тяготы своей работы, делились друг с другом маленькими семейными секретами, рассказывали, какие отметки принесли из школы дети, из-за чего поругались с мужьями, что новенького приготовили на ужин. Снежане все эти женские разговоры причиняли только боль, ведь у нее не было ни сына, ни мужа, которыми она могла бы гордиться. Кроме того, по злой воле Осокиной она была отстранена от общего дела, что препятствовало единению с коллективом, и женщины начали игнорировать ее. Причём, происходило это с подачи Нонны Атамановой, верхово-дившей паспортистками, которые уверовали в собственную исключительность, считая Большакову неспособной выполнять их работу. Вначале Нонна по указанию Лидии Ивановны взяла над Снежаной шефство, но заметив, что новенькая не «смотрит ей в рот», невзлюбила ее. А уж когда Большакова подарила Атамановой на день рождения свою книгу, которую написала, пока сидела дома с больным ребёнком, Нонна и вовсе возненавидела ее. Так Снежана и стала «белой вороной» в своем коллективе.

У Владлена на работе и до Эльвиры были любовницы, и он сам нередко приходил в замешательство от собственной ветрености. Еще недавно он считал, что встреча с такой женщиной, как Эльвира, настоящая удача для любого мужчины, и гордился своим безупречным вкусом. Но едва в поле его зрения попала Снежана, как образ Эльвиры сразу потускнел. И в последние дни уходящего года Владлен вдруг осознал, что Новый Год он хотел бы встретить вовсе не с Эльвирой, а со Снежаной.

— Где собираешься Новый год отмечать? — как бы между прочим поинтересовался Шмелёв у Большаковой.

Вместо того, чтобы открыто взглянуть ему в глаза и как-то тонко намекнуть на свои чувства и желание провести Новый год с ним, она со вздохом ответила:

— Еще не решила.

Вопрос Владлена обрадовал Снежану, однако Шмелёв не продолжил разговор.

Возможно, он ожидал от понравившейся ему женщины откровенного признания, но Снежана молчала. Она всегда считала, что первая скрипка в любовных отношениях должна принадлежать мужчине. И вот теперь эти старомодные убеждения доставляли ей огорчение. Она ругала себя за несообразительность и глупую робость, за односложные от-

веты и невыразительные взгляды, за то, что она не могла стать такой, какой ей бы хотелось быть.

31 декабря Ведомство работало до обеда.

По случаю Нового года Снежана надела блузку из бежевого стрейча с золотистыми цветами. Юбка была черной, до середины колена, простого прямого покроя с небольшим разрезом сзади. Туфли тоже были черные, на невысоком каблучке. Свои длинные, заплетенные в косу волосы, Снежана уложила на затылке. Из бижутерии она выбрала крупную подвеску в форме концентрических кругов, и такие же серьги. В этих украшениях было что-то языческое.

Стройная, прекрасно сложенная, с кошачьей грацией Снежана сразу обращала на себя внимание какой-то необычайной миловидностью и благородством. У нее был правильный овал лица, аккуратный нос с небольшой горбинкой, и глаза цвета моря, которые в зависимости от настроения могли сиять как голубые бриллианты, или становились зелеными, а иногда серыми. Из косметики она в основном пользовалась яркой губной помадой, которая оживляла ее бледное лицо.

Одевалась Снежана броско, особенно в праздники, и не оставляла равнодушным практически ни одного мужчину. Они восхищенно смотрели на нее, а женщины завистливо косились. Раз праздник, нужно быть особенно нарядной, считала Снежана, да и, кроме того, ей нравились восхищен-

ные взгляды мужчин. Пусть она не умела с ними свободно общаться, но зато владела врожденным даром привлекать их.

Однако очень редкий мужчина отваживался флиртовать с ней, а те, кто пытались добиться ее расположения с помощью комплиментов, заходили в тупик. Снежане льстило мужское внимание, но красивые слова не имели власти над ней. Так, к примеру, случилось у Снежаны с подполковником Всеволодом Шаталиным, который стал осыпать ее комплиментами с первого дня их знакомства в Ведомстве. Но он не услышал от нее того, на что рассчитывал. Всеволод ничем не поразил воображение Снежаны, и она сделала вид, что не поняла его слов «Ах, какая женщина!», хотя его намеки были шиты белыми нитками. Чтобы залучить его в любовники, Снежане всего-то и надо было сказать в ответ только одну фразу «Так в чем же дело?»

Мужчины догадывались, что только настоящее чувство способно открыть им путь к сердцу Снежаны, но к серьезным отношениям они не были готовы. Все, чего им хотелось, сводилось, как правило, к мужской физиологии. Снежана понимала их намерения, и только Владлен оставался для нее загадкой. Свои мысли и чувства он скрывал под бесстрастной маской, и Снежана, обычно чутко улавливающая фальшь, терялась в догадках. Ей оставалось только надеяться, что редкие всплески его нескрываемого интереса к ней, были искренними.

Последний день уходящего года принес Снежане душевную боль - она узнала, что у Шмелёва на работе есть любовница.

С самого утра Владлен выглядел особенно неприступным, хотя и одарил Снежану оценивающим взглядом. В отсутствие посетителей Шмелёв стоял в холле, заложив руки за спину, глядя на экран большого телевизора, расположенного под самым потолком. Когда же из своего кабинета вышла Эльвира, начальница одного из офисов крупной страховой компании, и стала улыбаться и посылать Владлену многозначительные взгляды, Снежана поняла, что эта высокая красивая, несколько худощавая блондинка и есть его очередная пассия. Эльвира выгодно выделялась на фоне других женщин тонкими чертами ухоженного лица и густыми, рассыпанными по плечам мелко завитыми кудряшками.

Однако, глядя на Шмелёва, никто бы не сказал, что он подстерегает в холле женщину, с которой состоит в интимной связи, и с которой собирается отметить наступающий Новый год. Скорее он был похож на человека, пытающегося решить в уме теорему Ферма.

На Снежану Владлен избегал смотреть, но один раз они все же скрестили взгляды, словно два дуэлянта.

Ближе к обеду Лидия Ивановна отправила Снежану резать закуску. Ничего не подозревающая Большакова пошла вместе с подполковником Лебедевым в один из кабинетов готовить стол к празднику. Позднее выяснилось, что коллек-

тив собирался отмечать наступающий Новый год совсем в другом помещении, но откуда это было знать Снежане.

Проходя по холлу вслед за Лебедевым, Снежана уловила на себе взгляд Владлена, стоящего в дверях Атамановского кабинета. По выражению глаз Шмелёва было видно, насколько он недоволен, что она идет рядом с уже слегка подвыпившим Лебедевым.

Когда Снежана следом за подполковником вошла в кабинет, ей показалось, что подчиненная Лебедева как-то странно посмотрела на нее. В маленькой «подсобке» стоял стол с нарезанной копченой колбаской, конфетами, водкой и шампанским. Лебедев предложил Снежане отметить наступающий праздник, и налил ей шампанского, а себе водки. Затем он начал весьма недвусмысленно приставать к Снежане. Вежливо отклонив домогательства, она сунула за щеку шоколадную конфетку и, поблагодарив за угощение, направилась к выходу. Подчиненной подполковника в кабинете уже не было. Снежана хмыкнула. Выходя из дверей, она чуть ли не нос к носу столкнулась с Владленом, поменявшим свою дислокацию. Он наградил ее гневным взглядом. Снежане показалось, что он вообще был готов избить ее. Смущенно улыбаясь, она прошла мимо него к себе в отделение и продолжила прерванную работу.

— Ты уже освободилась? — удивилась Осокина.

— Да, — невозмутимо ответила Большакова.

Тут к паспортисткам зашел майор Петр Иванович Тума-

нов. Среднего роста, несколько полноватый, с большими голубыми глазами ребенка, Туманов всегда был в курсе всех событий в отделе и поэтому поинтересовался у Снежаны:

— Ты почему ушла и не дорезала колбаску?

На что та с улыбкой ответила:

— О, нет, я так Новый год не встречаю!

— Что-что? — как будто не расслышал тот.

— Да это я о своем, о девичьем, — отозвалась она.

Новогодний стол был накрыт в самом большом кабинете отдела. Весь коллектив уже расселся за сдвинутыми буквой «п» столами, и ждал команды от начальника, который то входил, то выходил, явно пребывая в беспокойстве, глядя то на часы, то на сотовый телефон. В конце концов, Шмелёв все же занял предназначенное ему место во главе застолья, шикарно откупорил бутылку шампанского и, обойдя вокруг стола, собственноручно разлил игристое вино дамам, после чего поздравил всех собравшихся с наступающим Новым годом. «Толкая речь», он старался не смотреть на Снежану, но при словах «Дай Бог нам всем любви!» глянул ей прямо в глаза.

В этот день Снежана еле дошла до дома: четыре бокала шампанского сыграли свою роль.

Новый год Снежана, как всегда, встречала дома, с родителями. Это оказался последний семейный праздник, который она отмечала вместе с отцом и матерью. Позднее Снежана

пришла к выводу, что все в жизни предопределено свыше.

После праздников, когда все вышли на работу, Шмелёв при встрече с Большаковой виновато отвел глаза. Новый год не принес ему ожидаемой радости. Владлен был противен самому себе. Праздник, на котором он рассчитывал повеселиться на полную катушку, был безнадежно испорчен. Сначала Владлен поссорился с Эльвирой из-за того, что она не могла остаться с ним на всю ночь, как они договаривались; затем, изрядно приняв на грудь, он начал корить себя, что так и не надумал пригласить Снежану встретить Новый год вместе, а возвращаться домой, где его ожидал очередной скандал, ему совсем не хотелось. В результате Владлен так набрался, что наутро не мог вспомнить, как он оказался в своей постели.

Этот случай Снежана назвала «автомобильным вопросом». У ее «Окулины», как она любовно называла свою машину «Оку», появились проблемы со стояночным тормозом, знак которого на приборной доске горел при любом положении ручника. Снежана решила обратиться с этим вопросом к Шмелёву. Войдя в кабинет, она спросила:

— Владлен Олегович, можно задать вам автомобильный вопрос?

Оторвавшись от бумаг, он поднял голову. Снежана описала неисправность. Шмелёв уточнил:

— Это значок, который похож на восклицательный знак? Снежана кивнула.

Владлен объяснил ей примерно то же самое, что она уже слышала от других автомобилистов. Короче, дело было в электронике, а всех тонкостей Снежана своим женским умом понять не могла.

— У меня та же самая проблема, — сказал Владлен.

Вечером перед уходом домой, Снежана, одевшись, вышла в холл. Там было на удивление пусто. Из дверей своего кабинета появился Шмелёв. Торопливо запирая замок, он глянул через плечо на Снежану и нечаянно прищемил себе пальцы. Не отводя горящих глаз от лица женщины, Владлен поднес пальцы к губам и облизал их. Этот жест заставил Сне-

жану ощутить всплеск возбуждения. Она в смятении отвела взгляд и поспешила к машине.

Белая «Ока» стояла бок о бок с вишневыми «Жигулями» Шмелёва. Заведя мотор, Снежана решила хорошенько прогреть машину, а заодно дождаться появления Владлена, чтобы еще раз взглянуть на него. Вскоре он вышел и, остановившись на крыльце, закурил. Затем подошел к своему авто, но вместо того, чтобы сесть за руль, решил открыть дверь «Оки» с пассажирской стороны. Но не тут-то было. У нашей неискушенной девушки дверь оказалась запертой. Снежане даже в голову не могло прийти, что Владлен так отреагирует на ее автомобильный вопрос. Позже она себя не раз корила за непредусмотрительность. Распахнув дверь со своей стороны, Снежана с улыбкой сказала:

— Я, когда одна езжу, пассажирскую дверь не открываю!

Надо отдать должное Шмелёву, он умел владеть собой, и ничем не выказал разочарования. Обойдя малолитражку, он наклонился к Снежане и до нее донесся легкий аромат табака.

— Вот этот самый знак? — спросил Владлен, указывая рукой на приборную панель.

Получив утвердительный ответ, дал совет насчет ручника, и сел в свою машину.

Снежана включила заднюю скорость и, лихо развернувшись, уехала, Владлен – за ней. Перекресток развел их в разные стороны: он повернул налево, она – направо.

На другой день утром, когда Снежана вошла в свой отдел и увидела там Владлена, тот наградил ее настолько убийственным взглядом, что она сразу поняла, насколько он зол на нее. Снежана поздоровалась с ним, а Шмелёв помедлил, словно решая, отвечать ей или нет, но все-таки процедил сквозь зубы:

— Здрасьте...

Сегодня заболевшую Лидию Ивановну заменяла Алевтина Лосенкова, и когда встал вопрос, кого отправить в Бюро распечатывать заявления, Владлен сказал:

— Вон Снежану возьмите!

Лосенкова издала презрительно-изумленный вопль, которого тут же устыдилась сама и проговорила извиняющимся тоном:

— Это у меня нервное!

Снежана поняла, что отправляя ее в Бюро, где она еще не работала, Шмелёв мстит ей за закрытую дверцу машины. Начальник распахнул перед Снежаной металлическую дверь, и хотя у нее дрожали поджилки, она отважно пошла вместе с ним.

Невзирая на свою обиду, Шмелёв велел одной из сотрудниц взять над Снежаной шефство. Вера, девушка лет двадцати пяти, с румяным круглым лицом, в очках, оказалась хорошей наставницей и не отходила от Снежаны целых два дня, обучая ее. С тех пор между ними установились дружеские взаимоотношения, и они частенько весело общались.

новости и сплетни, неизбежные в большом коллективе.

После работы, дождавшись Шмелёва возле своей машины, Снежана окликнула его. Он подошел к ней.

— У меня сегодня дверь открыта! — со значением сказала Снежана, и ей показалось, что в глазах Владлена загорелся желтый адский огонь.

— Ну-у?.. И что?.. — с расстановкой спросил он.

От его взгляда Снежане захотелось закричать «Чур, меня!» и осенить себя крестным знамением.

— У меня еще один автомобильный вопрос, — выкрутилась она.

— Ну, это тебе нужно в автосервис, — с деланным равнодушием ответил Владлен.

Вот такой конец имела «автомобильная история».

Спустя два дня Владлен поинтересовался у Снежаны:

— Ну, как у тебя дела в Бюро?

— Нормально, только пока медленно получается, — ответила та.

— Надо повышать эффективность, — назидательно заметил начальник.

Так с легкой руки Шмелёва Снежана стала полноправным работником отдела.

Только через пару недель Владлен оттаял. Изредка он все так же заигрывал со Снежаной, обменивался взглядами. Когда она подписывала у него заявление на отгул, он спросил:

— Ну и чем будешь заниматься?

— Попугайчика дрессировать!
Владлен от души рассмеялся.

В конце января отца Снежаны увезли в реанимацию с острым инфарктом. Когда она пришла к Шмелёву отпрашиваться, у нее было такое лицо, что он обеспокоился:

— Что случилось, моя?..

А, узнав об отце, только и воскликнул:

— Господи!

И велел позвонить, как будут обстоять дела.

Четвертого февраля в семье Снежаны случилась новая утрата – в реанимации после десяти дней медленного угасания от обширного инфаркта умер ее отец. Они с матерью остались совсем одни без всякой мужской поддержки.

Снежана продолжала работать в Бюро. Во второй половине дня народа было мало. Она сидела за четвертым столом, рассеянно глядя через окно на арку, отделявшую холл от их рабочих окон, когда появился Владлен. С серьезным, даже строгим выражением лица он приблизился к окну Снежаны, молча, но крайне выразительно, кивнул головой в сторону отделения учета и ушел. Лера, которую перевели из канцелярии в их отдел, удивилась:

— Что это он? Тебя зовет, что ли?

— Да, — отозвалась Снежана, вскакивая с кресла.

Когда Снежана вошла в отдел, Шмелёв намеренно громко

сказал в наступившей вдруг тишине:

— Нам нужна твоя помощь. У нас тут без тебя все дела встают!

— Хорошо, попробую помочь.

Она думала, что ее заставят сесть за компьютер, но Лидия Ивановна велела ей выбирать карточки. Когда спустя некоторое время Снежана собралась выйти из кабинета, Владлен остановил ее вопросом:

— Ты куда, Снежан?

Он решил, что Осокина без его ведома отправляет Большакову в архив.

— На второй этаж, — удивленно ответила та.

Этот короткий диалог показался Владлену забавным. На втором этаже располагалась дамская комната.

Незадолго до дня Святого Валентина, праздника всех влюбленных, в пятницу после обеда, когда все сотрудники занимались архивными делами, Владлен пребывал в отличном расположении духа. Он выдавал документы, «резал номера» автомобилей, снятых с учета, и даже сверлил папки на подшивку, напевая:

— А вокруг все цветет, все сверкает и поет!

Молодые инспектора открыли коробку с конфетами и стали есть их, не догадываясь предложить паспортисткам.

— Оставьте девчонкам! – одернул парней Шмелёв.

Снежана сидела с папками за одним из столов, когда к ней неожиданно подошел Владлен и с улыбкой поднес открытую коробку конфет.

— За Святого Валентина, — многозначительно проговорил он и повторил эту фразу еще раз, словно боясь, что Снежана может не расслышать.

— Да, за это можно, — смутившись, ответила она и взяла конфетку.

Это были конфеты «Птичье молоко», и Снежана загадала, что если ей попадется белая начинка, у них с Владленом будет любовь.

Начинка оказалась желтой.

Угощать конфетами других паспортисток Шмелёв поче-

му-то не стал.

На следующий день он ушел на больничный. Снежана на целых две недели потеряла всякий интерес к работе. Все ее мысли были заняты только Владленом. Когда тот, наконец, появился в отделе, Снежана сразу радостно встрепенулась. Шмелёв в своей обычной порывистой манере быстро прошел за застекленной перегородкой с инспекторской стороны отдела, желая показать Большаковой, что он здесь. Она не успела даже рта раскрыть, чтобы поприветствовать его и узнать о состоянии здоровья, как он уже исчез.

Снежана считала себя просто обязанной поинтересоваться самочувствием Владлена, ведь он столько раз проявлял беспокойство о ней. Она нумеровала папки и думала, как же ей лучше это сделать. Время уходило. Снежана злилась на свою нерешительность, но ничего не предпринимала.

И тут Лидия Ивановна отправила ее в архив отнести несколько дел. Снежана вышла с папками через металлическую дверь своего отдела, а обратно вошла через кабинет Владлена. Тот сидел за своим столом и что-то писал.

Она обратилась к нему по имени-отчеству. Шмелёв поднял на нее глаза, и Снежану, в который уже раз, огорчил его отстраненный вид.

— Как ваше самочувствие? — поинтересовалась она.

Глаза у него сразу потеплели:

— Да почти восстановился.

— Ну и слава Богу! — воскликнула она, как любил гово-

рить сам Шмелёв.

Вскоре Снежана опять пришла в кабинет Владлена. Его кресло было пустым. Присев на корточки, она начала выбирать карточки из нижнего ящика картотеки рядом со столом начальника. Когда через некоторое время Шмелёв вернулся, Снежана, заметив, что загораживает ему путь, встала, пропуская его. Проходя мимо, Владлен легонько пожал ей руку выше запястья. Этот жест дал Снежане понять, что он не забывает о ней и надеется на более тесное общение.

— Ну вот, еще несколько деньков до отпуска, и я спокойно сяду и заброшу удочки! — откинувшись в своем кресле, мечтательно протянул Владлен.

— Тебе Марина покажет! — заметил Амир.

— Ну, уж! — заносчиво возразил тот.

Снежану, делавшую копии документов в их кабинете, неожиданно захлестнула обида на Владлена за то, что он уходит в отпуск и оставляет ее одну. К тому же, когда она увидела открытую дверь в кабинет Эльвиры, а сам Шмелёв не вышел, как обычно, проводить уходящих домой вольнонаемных сотрудниц, у Снежаны окончательно испортилось настроение. Она заподозрила, что сегодня вечером у этой парочки любовное свидание, а сама Снежана для Владлена всего лишь забавная игрушка. И тогда она приняла решение больше не заморачиваться на Шмелёве, не смотреть на него и даже не думать о нем, хотя и понимала, что все ее попытки выбросить его из своих мыслей будут тщетны. Тут уж по-

лучалось как в поговорке: «Коготку увязнуть – всей птичке пропасть».

Владлен недоумевал, почему Снежана так резко перестала интересоваться им. Будучи на выдаче в шестом окне, он ходил вдоль ряда компьютерных столов и спрашивал всех паспортисток по порядку, готовы ли документы. Но Снежане он адресовал особый вопрос, который прозвучал весьма неоднозначно, хотя имелось в виду снятие с учета автомобиля:

— У тебя никто ничего не снимает, Снежан?

Она не подняла глаз, а только отрицательно покачала головой. На его следующую прогулку вдоль окон Снежана тоже не отреагировала. Больше Владлен не делал попыток заговорить с ней.

Рожденная под покровительством планеты Венера, Снежана с юных лет грезилла о любви с большой буквы, о той, которую во все времена воспевают поэты. И вот ей посчастливилось встретить свою долгожданную любовь, но в сложившихся обстоятельствах Снежана сделала печальный вывод, что ее надежды на взаимные чувства весьма призрачны.

«Вот и вся романтика, — подумалось ей. — Прощайте мечты и сладостные грезы».

По дороге домой, приютившись на заднем сиденье маршрутки, Снежана не смогла сдержать слез разочарования и отчаяния, хотя после смерти сына дала себе слово, что больше никогда не будет плакать. Слезы застилали глаза, и Снежане казалось, что между ней и Владленом все кончено, так и не

начавшись, что все эти взгляды, намеки, прикосновения не имели никакого значения. Но где-то в глубине души под толстым слоем пепла тлела надежда, что у них все еще впереди.

Был первый день весны. Ярко светило солнце, а на душе у Снежаны было пасмурно. Ей казалось, что пытаюсь бороться с любовью, она обкрадывает себя.

А Лидия Ивановна, словно нарочно, раз за разом отправляла ее в кабинет Шмелёва за карточками. Как-то Снежана долго не могла найти в картотеке нужную серию. Медленно отступая от ящиков с номерами, она едва не наткнулась на стоящего позади нее Туманова. И в этот момент Владлен предостерегающе сказал:

— Осторожно!

— Я понял тебя, Владлен! — многозначительно отозвался Петр Иванович, который был явно равнодушен к Снежане.

Комизм ситуации заключался в том, что Снежане вдруг захотелось лягнуть ни в чем неповинного Туманова. Не иначе Владлен имел в виду, что пока он будет в отпуске, Петру Ивановичу следует держаться от Снежаны подальше и больше не поить ее коньяком, как это было в канун Дня Защитника Отечества, когда сам Шмелёв отсутствовал по причине болезни.

Перед уходом домой все сотрудники отдела собрались возле дверей кабинета. Снежана не смогла более сдерживать себя и все-таки взглянула на Владлена. На его лице она не

увидела радости, вполне естественной для человека, который уходит в отпуск, хотя несколько дней назад его высказывания об отдыхе были весьма оптимистичными. А когда кто-то сказал, что вот расстаемся всего лишь на два дня, Шмелёв обронил:

— Кто на два дня, а кто и до мая.

Было ли это сказано специально для Снежаны или по какой иной причине, оставалось только гадать. Но Снежане хотелось думать, что Владлен сказал это именно для нее, и ему тоже грустно расставаться с ней.

Эльвира сидела за столом в своем кабинете с открытой дверью, низко склонив голову над документами. Она старательно изображала, что занята работой. На самом деле Эльвира ждала, когда все разойдутся по домам, и она сможет остаться наедине с Владленом. Открытая дверь ее кабинета была у них сигналом к встрече. Эльвира хотела поговорить с Владленом и узнать причину его резкого охлаждения. После ссоры под Новый год Владлен стал избегать ее и на все телефонные звонки или отвечал, что занят и не может в данный момент говорить, или просто отключал телефон. Ни дома, ни на работе Эльвира не могла думать ни о чем другом, кроме их размолвки. Мысль о том, что она может потерять Владлена, приводила ее в отчаяние. Неужели то, что она не смогла остаться с ним на всю Новогоднюю ночь из-за неожиданного возвращения мужа из деловой поездки, стало камнем пре-

ткновения в их отношениях, казавшимися такими неизбежными?! Когда Владлен непререкаемым тоном заявил ей, что если она сейчас уйдет, то между ними все будет кончено, она не поверила ему. Улыбнувшись его горячности, Эльвира поцеловала возлюбленного и уехала на такси домой. Сейчас она многое отдала бы, чтобы повернуть время вспять и исправить свою ошибку. Но у прошлого нет сослагательного наклонения, и она собственными руками разрушила свое счастье.

Эльвире всегда хорошо удавалось скрывать свои похождения, и до последнего дня муж ни о чем не догадывался. А теперь стал замечать, что с женой творится что-то неладное.

— Что случилось, дорогая моя? — поинтересовался он.
— Уж не заболела ли ты? Я найду тебе самого лучшего врача.

— Не беспокойся, милый, просто у меня много работы, и я сильно устаю, — отговорила Эльвира.

Ее супруг, Николай Павлович Осадчий, был известным бизнесменом, и имел большое влияние во властных структурах. Полный, среднего роста, лысоватый, он не выдерживал никакого сравнения с Владленом, и столкнувшись по рабочим делам со Шмелёвым, Эльвира стала очередной жертвой его обаяния. Как всякая богатая избалованная женщина, она не хотела отказывать себе ни в чем, и когда Владлен, очарованный ее красотой, начал заигрывать с ней, охотно пошла на сближение.

И вот теперь, бесцельно перекладывая бумаги с места на

место, Эльвира искала те единственно верные слова, которые помогли бы ей вернуть любимого мужчину.

Увидев открытую дверь в кабинет Эльвиры, Шмелёв недово́льно поморщился. Ему больше не о чем было говорить с этой женщиной. Все, что он хотел сказать ей, он уже сказал в Новогоднюю ночь, и в глубине души был рад, что они расстались. Только сейчас Владлен начал понимать, какую глупость готов был совершить ради такой «пустышки», как Эльвира. После того, как она предала одного мужчину и с такой легкостью нарушила обещание, данное другому, мог ли он доверять ей и дальше? Владлен решил вычеркнуть из своей жизни все, что было связано с Эльвирой, и постараться наладить отношения с женой. Накинув форменную куртку, он со спокойной душой покинул Ведомство через запасной выход.

В честь праздника Восьмое марта «мальчики» отдела преподнесли своим «девочкам» подарки: блюдо и лопатку для торта, бутылку шампанского, а также цветы, и накрыли традиционную «поляну» в кабинете Шмелёва и Хайруллина. Подарки девочкам выбирал сам Владлен незадолго до отпуска.

Все выпили шампанского и повеселевший Амир расцеловал каждую из женщин в щечку. Затем все паспортистки поднялись в актовый зал на торжественную часть, посвященную Международному женскому дню. Высшее начальство Ведомства поздравило всех сотрудниц с праздником. Дамам вручили красивую чайную пару и букет цветов. Затем был концерт русского народного квартета «Посиделки». После концерта всех женщин отпустили домой. Улица встретила их совсем не весенней погодой: ветром, снегом, холодом.

Снежане пришлось по душе пестрая чашка из толстого китайского фарфора. Чай из нее казался необычайно вкусным и ароматным. Подставка для торта, расписанная алыми розами, стала украшением кухни. Снежана частенько поглядывала на подарок, и ей грело душу, что его выбирал Он. Цветы стояли в вазе на удивление долго.

После праздника понедельник действительно оказался тяжелым днем, хотя посетителей было немного. Все вышли на

службу полусонные и тихие.

За окном с раннего утра начал сыпать мелкий снежок. Он прикрыл грязный, подмерзший за ночь лед и немного скрасил неприглядный облик города. Со своего места за последним столом Снежане через зарешеченное окно была видна просторная крыша соседнего здания. Снег падал на рубероид и таял, растекаясь лужицами. Серое небо навевало уныние и дрему.

В дни, подобные этому, Снежана еще острее ощущала свое одиночество. И пусть рядом с ней всегда находился родной человек – ее мама, этого было недостаточно. Снежана надеялась встретить верного спутника жизни, с которым была бы счастлива до конца своих дней, но понимала, как невелик этот шанс для женщины сорока двух лет. Все мужчины, более или менее подходящие ей по возрасту, уже давным-давно обзавелись семьями, имели детей, и устроить свою судьбу можно было только на обломках чужого счастья. Шмелёв тоже был несвободен, и Снежана не рассматривала его как кандидата в мужья. Она просто любила его. Вот такая получалась невеселая философия. Домой Снежана вернулась в упадническом настроении.

Полужинав, она легла в свою холодную одинокую постель, надеясь, как добрый молодец из сказки, что «утро вечера мудренее». Ночью в комнате было прохладно. Батареи после аварии теплосетей грели слабо, и Снежана спала, укрывшись двумя одеялами.

Утром, когда она проснулась, в окно ярко светило мартовское солнце, и у Снежаны сразу потеплело на душе.

На работе дела кипели. В холле было настоящее вавилонское столпотворение. Очередь в Бюро начиналась от самого входа на этаж. Сначала Снежана складывала папки, но ближе к обеду Лидия Ивановна отправила ее в Бюро на подмогу. Здесь Большакова чувствовала себя нужной.

От Зинаиды Петинной, которая выдавала себя за подругу семьи Шмелёвых, Снежана узнала, что Владлен уехал отдыхать на Кавказ.

«Наш мальчик улетел в Нальчик!» — подумала она.

Снежана сразу вспомнила, что когда ей было двенадцать лет, она вместе с мамой тоже ездила в Кабардино-Балкарию, только в Терскол. Ах, какие там были горы! Могучие, покрытые снеговыми шапками. А выше всех вздымал свою гордую двуглавую вершину неприступный Эльбрус. Хорошие были времена, беззаботные.

Снежана и Серафима Николаевна частенько вспоминали те благословенные деньки: лихого горца в бурке, поднявшего на дыбы своего горячего скакуна; ишака, на котором решила проехаться Снежана, а он чуть не увез ее в колючие кусты; минеральный источник, к которому нужно было долго пробираться среди каменистых россыпей. Вспоминали канатную дорогу, по которой они так и не отважились прокатиться; «Приют одиннадцати», куда они не поднимались, но

получили памятные значки. Вспоминали, как готовились к смотру туристической песни, ходили на танцы с цветомузыкой, загорали у реки после обеда, потому что с утра шел снег. Они даже посетили колоритный местный базар, где купили теплый вязаный свитер и кофту из ангорки.

Снежана весь день улыбалась, покачивая головой. Сам, значит, мальчик – в Нальчик, а Туманову с коньяком веле-но держаться подальше. Вот мужчины! Сами забрасывают удочки вдали от дома, а женщин держат в черном теле. Ни тебе коньячка, ни «шуров-муров»! Блуди себя, пока они там развлекаются. Интересный подход!

Однако Снежану радовало, что перед отъездом Владлен побеспокоился о том, чтобы обезопасить свою подшефную от навязчивости Петра Ивановича.

В результате крупной аварии на городской электростанции в Ведомстве с самого утра отключили свет. По такому случаю объявили субботник. Переоблачившись в штатское, инспектора смахнули пыль со своих столов и компьютеров, а затем вышли на уборку территории. Паспортистки вооружились тряпками и принялись наводить лоск на своей «женской половине». Снежана с Лерой носили пронумерованные папки в архив. Пока они расставляли их, девчонки вымыли полы в обоих кабинетах. Вернувшись из архива, Снежана и Лера уселись на стульях в полутемном холле, дожидаясь, пока просохнет линолеум. Вскоре возле дверей собра-

лись остальные сотрудницы. Настроение у всех было приподнятое. Все шутили и смеялись. В эти мгновения Снежана, пожалуй, впервые в жизни ощутила бодрящий дух коллективизма.

Подошло время обеда. Офицеры отправились на «разбор полетов» в кабинет к Атаманову, а паспортисток, к их вящей радости, отпустили домой.

Весь день солнце светило сквозь туманную дымку, упавшую на землю ранним утром, и не развеявшуюся до самого вечера. Снежана чувствовала какую-то затаенную радость, как в юности, когда ждешь от жизни чего-то необычайно прекрасного. Верилось в лучшее. Хотелось обнять весь мир. Было так здорово ощущать себя еще молодой и привлекательной, полной здоровья и нерастраченных сил.

В середине апреля весь коллектив отмечал день рождения Атаманова. В кабинете накрыли столы. Все скромно встали вдоль стенок и не торопились разбирать одноразовые стаканчики с шампанским. Туманов взялся разносить их дамам. Именинник был заметно взволнован поздравлениями коллег.

Когда выпили и закусили, Амир деловито обратился к Туманову:

— Ну что, давай доставай коньяк! В каком он ящике?
На что Пётр Иванович с некоторым испугом ответил:
— А у меня нет коньяка.

Снежана сделала вид, что не слышит намеков. Она всегда была равнодушна к алкоголю. Если есть повод выпить – праздник, например, она могла позволить себе вина, шампанского или коньячка в разумных пределах. Однако порой Снежане нравилось эпатировать публику, как это произошло на праздновании дня Защитника Отечества, когда она попросила Туманова смешать ей коктейль «Бурый медведь» из коньяка с шампанским. Петр Иванович был удивлен вкусу этой скромной, даже робкой женщины, и не преминул предостеречь:

— С таким напитком надо быть поосторожнее!

Стояла середина весны. За окном в лазурном апрельском небе плыли легкие кипенно-белые облака. Снежана с матерью пережили еще одну трудную зиму. Серафима Николаевна стала вдовой, а Снежану миновала чаша сия, хотя, возможно, ее мужу было бы лучше умереть, чем жениться на Нурие.

Нурия была из тех женщин, которых в народе характеризуют грубо, но емко: «слаба на передок». С трудом закончив восемь классов, она нашла более-менее хорошо оплачиваемую работу только в депо. Работая слесарем среди мужчин, она никогда не отказывалась выпить и покурить в их веселой компании, да и интимная близость с любым из них не казалась ей чем-то предосудительным. Грязная и тяжелая работа слесаря наложила на Нурию свой отпечаток. Она могла нахамить любому, если что-то было не по ее, да и мужу Ивану спуску не давала. Ссоры и скандалы в их семье повторялись изо дня в день. В конце концов, Ивану надоела такая семейная жизнь, и он пригрозил Нурие разводом. Подобный оборот ее вовсе не устраивал, и она решила стать вдовой, а не брошенной женой.

Не откладывая задуманное в долгий ящик, Нурия надрезала тормозные шланги их старенького «Москвича» и, сказавшись больной, отправила мужа к своим родителям в де-

ревню за картошкой.

Возвращаясь домой, Иван не справился с управлением на крутом повороте, и вылетел на встречную полосу, где столкнулся с «Камазом». Иван погиб, а Нурия на страховку за мужа купила комнату.

В последнее время у Нурии завязался роман со старшим мастером ремонтного цеха, по совету которого она решила поступить на заочное отделение железнодорожного техникума, тем более что с каждым годом ей становилось все тяжелее выполнять работу слесаря, и хотелось найти что-нибудь другое. Вот в техникуме она и встретила Григория Большакова, с которым оказалась в одной группе.

Нурия стала частенько обращаться к Григорию с просьбами помочь ей с заданиями к сессии, и всегда оказывалась рядом с ним, когда все выходили на перекур между занятиями. Нурия всячески старалась привлечь внимание Григория к своей персоне. Она заводила душещипательные разговоры о его больном сыне, жаловалась на тяготы собственной жизни без сильного плеча, сетовала на свое пристрастие к курению, и с вниманием ловила каждое его слово.

Григорию льстило подобострастное отношение Нурии, но он всегда относился к иноверцам с долей пренебрежения, и когда их подгруппа собиралась в комнате вдовы, чтобы обмыть очередную сдачу экзаменов, всегда уходил с гулянки первым.

Зная, что Большаков давно собирался бросить курить, Ну-

рия стала агитировать его съездить к одной бабке, которая якобы могла помочь избавиться от тяги к курению. Григорий клюнул на эту приманку, тем более что ему хотелось порадовать Снежану, которая не одобряла его пристрастие к сигаретам. Взяв «Оку», он вместе с Нурией поехал в отдаленную татарскую деревню. Очень приветливая и ласковая старушка на каком-то тарабарском языке наговорила на привезенную ими снедь и велела все непременно съесть. Прощаясь с гостями, бабушка обещала, что у них все будет хорошо. В действительности это был заговор не от курения, а на привязку Григория к Нурии.

Время шло. Курить Григорий не бросил, но как-то после обмывки зачетов он остался у Нурии. Пробыл он недолго, домой вернулся сам не свой и дал себе слово держаться от Нурии подальше. Однако все повторилось. Григорий не мог противостоять необъяснимой сверхъестественной силе, которая, в конце концов, заставила его уйти из семьи за три дня до смерти больного сына.

Теперь это отодвинулось так далеко, что казалось почти нереальным. А до того были и бессонные ночи, и горькие слезы в подушку, в общем, все то, что сопутствует горю осиротевшей матери и брошенной жены. Снежана простила бывшему мужу все свои обиды, и только то, что он предал сына, не смогла простить. Григорий, старавшийся всегда соблюдать правила приличия, даже не пришел на поминки в годовщину смерти их сына.

Когда Снежана выходила замуж, ей казалось, что она любит Григория, и только встретив Владлена, поняла, что к бывшему мужу у нее была не любовь, а всего лишь влюбленность, но в юности не каждый способен отличить истинную любовь от временного ослепления. Человеку неведомо, как сложится его дальнейшая судьба, но теперь Снежана твердо знала, что она будет счастлива только с Владленом.

Еще в декабре Шмелёв занимался распределением отпусков внутри коллектива. После того, как все паспортистки побывали у начальника и уточнили время своих отпусков, Лидия Ивановна забеспокоилась, что Снежану не вызывали, и велела ей зайти к Шмелёву.

Когда Снежана вошла в кабинет, Владлен усмехнулся:

— А вот о тебе-то мы и забыли.

— Поэтому я и пришла, что обо мне не помнят, — ответила ему та.

— И когда бы ты хотела пойти в отпуск?

— Мне все равно.

— Тебе? Все равно? — удивился он.

— Да, — пожала плечами Снежана.

— Ты куда-нибудь едешь отдыхать? — последовал новый вопрос.

— Нет.

— Почему?

— Не с кем. Было бы с кем, поехала бы.

Он глянул на монитор компьютера:

— Остался только апрель...

— Ну что ж, апрель хороший месяц, — согласилась Снежана.

Он внимательно посмотрел на нее и уточнил:

— Так нормально? Или ненормально?

— Нормально, — кивнула она.

Владлену нравилось устраивать Снежане допросы. То почему не едешь никуда в отпуск, то, когда она приходила к нему подписывать заявление на отгул, интересовался, чем она будет заниматься в выходные. Короче, Владлен по отношению к ней был излишне любопытным товарищем. Она что-то не слышала, чтобы он так допрашивал других паспортников.

В отпуске Снежана занималась бумажными делами, оформляла наследство на садовый участок, но, главное, подала документы в Университет на филологический факультет, и в конце мая у нее должны были начаться экзамены.

Перед выходом на работу после отпуска Снежана немного волновалась из-за встречи с Владленом.

Шмелёв снова замещал Атаманова. Утром Снежана и Владлен едва успели взглянуть друг на друга, но вечером, когда схлынул поток посетителей, она отправилась к нему в кабинет. Владлен стоял спиной к двери, заложив руки за спину, и глядел в окно.

— Можно войти?

Шмелёв сразу повернулся к ней.

— Я пришла поблагодарить вас!

— За что? — изумился он.

— За то, что вы так вовремя дали мне отпуск, — ответила Снежана.

Он сел в кресло. Снежана пожаловалась, что последние три дня перед отпуском она едва таскала ноги от усталости.

— Неужели все было так серьезно? — обеспокоился Владлен. — Но теперь-то как дела? Надеюсь, нормально?

— О да, сейчас вполне.

— Ты куда-нибудь ездила? — поинтересовался он.

— Нет, никуда не ездила, весь отпуск занималась бумажными делами: отцовское наследство, то да се.

Тут в кабинет вошла Лера с документами на подпись. При виде Снежаны, мило беседующей с начальником, глаза девушки округлились.

Поблагодарив Владлена еще раз, на что он ответил «Да не за что!», Снежана вышла из кабинета.

Позже Лера с любопытством спросила:

— О чем это ты калякала с Владленом Олеговичем?

— Да о домашних делах.

Уходя домой, Снежана увидела на крыльце Ведомства Владлена, затягивающегося сигаретой. Он словно вышел проводить Снежану.

Снежана старалась не особенно заглядываться на Владлена, сидящего в кабинете Атаманова, и ей удалось обрести хрупкое спокойствие, правда ненадолго.

Как-то по рабочему вопросу Снежана пошла к Лидии Ивановне, но оказалось, что Шмелёв собрал всех паспортисток у себя. Войдя в кабинет, Снежана скромно присе-

ла на стул возле своих коллег. Шмелёв, дающий «ценные указания», внимательно глянул на нее раз, другой, третий. Это удивило Снежану, поскольку он никогда не смотрел на нее так пристально в присутствии других. Выглядел Владлен каким-то озабоченным, на лбу обозначились вертикальные морщинки. Закончив объяснять, он спросил, все ли понятно, почему-то глядя опять на Снежану. Та кивнула. Ее спокойствие было поколеблено.

Собравшись ехать домой на обед, Снежана увидела Владлена, стоящего возле своей машины в какой-то растерянности. Она заподозрила, что он ждал ее и хотел окликнуть, но не решился. Хмуро глянув на него, Снежана прошла к своей машине.

После обеда Осокина оставила Снежану работать в отделе учета. Три часа кряду она выбирала карточки в картотеке, проверяла технику по журналу на наличие ограничений и делала соответствующую запись на заявлении.

Когда Снежана сортировала заявления возле окна старшей паспортистки, вошел Владлен. Он остановился настолько близко за спиной Снежаны, что у нее от волнения закружилась голова. После непродолжительного молчания Шмелёв выдал:

— Чтобы через пятнадцать минут вашего духа здесь не было!

Лидия Ивановна чуть не рухнула с кресла от возмущения. Оказалось, что сегодня рабочий день сократили на час, но

Шмелёв, как обычно, не предупредил подчиненных об этом заранее, а сразу поставил перед фактом. Старшая паспортистка открыла было рот, намереваясь высказать свое отношение к Шмелёву, но тот уже хлопнул дверью.

— Надо же было заранее предупредить, а не теперь, когда мы набрали столько работы! — никак не могла успокоиться Лидия Ивановна.

С раннего утра по всему отделу поползли слухи, что прежнего начальника, подполковника Атаманова, отправили на пенсию, а на его место прислали из Москвы молодого капитана Стригункова Станислава Витальевича. Интересная вырисовывалась картина: замы — майоры, а начальник — капитан, да к тому же ранее работавший в другой структуре. В Ведомстве шушукались, что не иначе у того есть сильный покровитель в столице. До появления московского «варяга» никто не сомневался, что место Атаманова займет Шмелёв, но когда начальником Ведомства стал полковник Завражнов, прибывший из Москвы, он как заведено у высокого начальства потянул за собой своих надежных соратников. Вот так молодой капитан Стригунков занял кресло подполковника Атаманова.

Перестановки коснулись не только Ведомства, где работала Снежана, но и всего Главного Управления, где так же произошла смена руководства. Из столицы приехал новый генерал с гордой фамилией Орлов.

В начале обеденного перерыва Снежана столкнулась в холле с Владленом и новым начальником. Это был невысокий черноглазый брюнет на кривоватых ногах, со странной прической, напоминавшей челку молодого жеребенка. Капитан шел, гордо подняв голову, стараясь казаться выше ро-

стом, но рядом со Шмелёвым Стригунков проигрывал по всем статьям, и было видно, что это очень не нравилось новоиспеченному начальнику.

Владлен оглядел Снежану сверху донизу, уделив особое внимание ее ножкам. Стригунков тоже проявил интерес к Снежане, одарив ее благосклонным взглядом.

Новый начальник сразу показал свой крутой нрав. Он запретил инспекторам в рабочее время отлучаться по личным делам, вести неслужебные разговоры по мобильным телефонам и устраивать перекуры.

Кабинет Атаманова Стригункову не понравился, он показался ему слишком большим и светлым. В обед, зайдя в отделение учета, окна которого выходили на север, он воскликнул:

— Как у вас тут уютно!

Задвинув жалюзи, он сел за стол Шмелёва. Снежана подумала, что в этом кабинете ему бы и следовало остаться, а на должность Атаманова нашлись бы и более достойные кандидаты. И все же, несмотря на свое предубеждение, Снежана в глубине души сочувствовала новому начальнику, зная, как трудно начинать жизнь на новом месте.

После обеда Снежана дважды заходила к Владлену по рабочему вопросу, и каждый раз попадала в такой момент, когда Шмелёва срочно вызывал Стригунков.

— Никуда не уходи, дождись меня, — говорил ей Владлен, покидая кабинет.

Возвращаясь, он решал интересные вопросы, хотя, казалось бы, при нынешних обстоятельствах ему должно было быть совсем не до нее.

В Бюро Петина, крупная громкоголосая женщина лет тридцати, рассказывала, что она заходила к Владлену «поздравить» его с «пролетом» мимо должности, а тот ответил:
— Ну что поделаешь?!

Незадолго до окончания рабочего дня, Снежана, выходя из железной двери отдела, придержала ее спешащему в кабинет Владлену. При виде паспортистки, Шмелёв ласково воскликнул:

— А, Снежанка, радость моя, как ты?

— Да совсем измучилась сегодня, — вздохнула та.

— Что так?

Она только махнула рукой в сторону Бюро.

— Что, устаешь маленько? — улыбнулся он.

Снежану отчего-то расстроили его слова. Владлен обращался с ней как с глупенькой девочкой, а ей хотелось, чтобы он видел в ней женщину, достойную любви, а не только заботы и снисходительности. Вечером Снежана, Валерия и новенькая молодая сотрудница Даша стояли в холле, дожидаясь остальных паспортисток. Даша была натуральной блондинкой лет двадцати с красивыми зелеными глазами и роскошным бюстом. Поначалу Снежана отнеслась к Даше настороженно, но узнав ее поближе, почувствовала в ней родственную душу. Через короткое время они стали закадыч-

ными подругами.

— Чего стоите? Идите домой к своим женихам! — сказал им Шмелёв, уравнив Снежану с двадцатилетними девчонками, чем снова огорчил ее.

Они растерялись от его слов, а один из инспекторов воскликнул:

— Идите домой, начальник вас отпустил!

Попрощавшись, они ушли.

Собираясь взять отгул за ранее отработанный день, Снежана решила узнать у Владлена, на чье имя теперь писать заявление. В ответ он хитро прищурился:

— Давай напишем на имя Сталина.

А затем по-доброму добавил:

— Как обычно, радость моя, все по-прежнему!

Какое-то время они, не отрываясь, смотрели в глаза друг другу, а затем Владлен спросил:

— И зачем тебе нужен отгул?

— Поеду в автосервис машину ремонтировать.

— Сама поедешь? — удивился он, выделив слово «сама».

— А кто же еще? — подняла брови Снежана.

Утром, явившись в Бюро, Шмелёв сразу прошел к четвертому компьютеру, за которым сидела Снежана, сказал ей «Привет!», а затем спросил, как дела.

— Нормально.

— Вот и хорошо, что нормально, — заметил он.

Потом дал указание напечатать заявление и принести ему в кабинет. Снежана молча кивнула. Тогда Владлен повторил свою просьбу еще раз.

— Хорошо! — ответила она.

Выполнив поручение начальника, Снежана зашла к нему в кабинет:

— Владлен Олегович, вы велели мне напечатать заявление. Я его принесла.

— Спасибо, — ответил он. — Только не велел, а просил. Просил!

А после обеда уже Снежана отправилась к Шмелёву:

— Теперь я к вам с просьбой. Надеюсь, вы меня отпустите?..

Ответом ей было молчание. Тогда она положила перед Владленом на стол вызов на экзамены. Он с мрачным видом прочитал и спросил:

— А разве у тебя нет высшего образования?

— Нет, — покачала головой Снежана.

— И на какой курс?

— На первый.

— А сколько лет учиться?

— Пять.

— Ну, пиши заявление на имя начальника Главного Управления. И не забудь приложить ксерокопию вызова.

Когда через некоторое время Снежана снова пришла с за-

явлением, Шмелёв прочитал его, а затем, развернувшись к ней в кресле, с сердцем спросил:

— Послушай, зачем тебе все это нужно?

— А чем еще заниматься свободной женщине? Работай да учись, — возразила она.

— Хорошо, оставляя заявление. Копию сделала?

Снежана подала ему бумаги.

На другой день рано утром в Бюро появился довольный Владлен с папкой.

— Начальник отказал, говорит, что нам нужны не бакалавры, а паспортисты, — жизнерадостно воскликнул он, отдавая Снежане заявление.

— Все ясно, — коротко ответила она.

Ей сразу стал понятен счастливый вид Владлена. Ему не хотелось лишаться ее общества на время сессий.

Вторую половину дня Снежана выбирала карточки, а потом нумеровала папки, неотступно раздумывая над отказом Шмелёва, и пришла к выводу, что тот обманул ее: он вовсе не был у начальника. Она решила сходить к Шмелёву и выпытать у него правду.

Когда она вошла, Владлен сразу понял, что будет «разборка», и смешно закрутил носом из стороны в сторону, словно собака, в год которой по китайскому гороскопу он родился.

— Владлен Олегович, вы сказали, что начальник отказал? Так пусть он даст мне официальный отказ.

Владлен пробормотал, что нужно было согласовывать во-

прос об учебе заранее перед поступлением на работу.

— У меня так уже было однажды. Заведующая детским садиком, где я работала раньше, не пустила меня учиться в институт, и вот опять... Не везет мне с начальниками...

— Зачем тебе высшее образование? Ты и без этого прекрасно обходишься на работе, — сказал Шмелёв.

— Пока да, а что будет потом? Вдруг что-то изменится, и мне дадут пинок? Одинокую женщину легко обидеть!..

Он какое-то время неотрывно смотрел на нее, и в его взгляде появилось что-то такое, от чего Снежана вдруг ощутила внутренний трепет. Ее словно затягивало в омут его темных глаз.

— Ну, ладно, оставляй заявление. Пусть он сам решает, — имея в виду Каримова, сдался, наконец, Владлен.

На следующий день, едва Большакова пришла на работу, Осокина отправила ее в архив. Вскоре в коридоре послышался голос Шмелёва, а затем дверь архива распахнулась, и он сам появился на пороге.

— Давай бросай все и иди в Бюро! И никого не слушай, скажи, что я тебе велел. Поняла? Я тебе велел!

Снежана кивнула и вернулась в отделение учета.

— Владлен Олегович приказал мне отправляться в Бюро, — доложила она Осокиной извиняющимся тоном.

— Вот, — возмутилась старшая паспортистка. — Снежану из архива дернул!

Через какое-то время Владлен зашел в Бюро, молча по-

смотрел, на месте ли Снежана, и ушел. Девчонки засмеялись:

— Проверка!

После обеда Шмелёв заглянул в Бюро со словами:

— Снежана, зайди ко мне!

— Что натворила? — забеспокоились девчонки.

— Да, вроде, ничего...

— Ни пуха, ни пера! — напутствовали они ее.

— Спасибо!

— Не спасибо, а к черту!

Когда Большакова вошла, Шмелёв с деловым видом начал объяснять, на каком основании ей отказано в заочном обучении. Как ни странно, на этот раз Снежана не особенно расстроилась.

— Нет, так нет, — улыбнулась она. — Что же теперь делать?!

— Нет, ты серьезно отнесись к этому, — возразил он. — Ты ведь хотела получить высшее образование, чтобы найти какую-нибудь работу получше?

— Ну, в принципе я думала об этом.

— Может быть, тебе стоит что-то поменять?

Она поняла, что он имеет в виду:

— Уволиться, что ли? Нет, мне работа важнее, чем учеба!

В честь Дня Рождения Любимого Начальника Снежана вырядилась в ярко-красный брючный костюм. Первое, что она увидела, войдя в свой отдел, были фрукты, лежащие на подоконнике. Вскоре появился Владлен и, с удивленно-восторженной улыбкой глядя на Снежану, сказал:

— Девчонки, угощайтесь!

Лидия Ивановна, увидев разряженную Большакову, сразу отправила ее в архив доделывать то, что ей не дал вчера доделать Шмелёв. По дороге в архив Снежана зашла в кабинет к Владлену. Тот встретил ее напряженно, чуть ли не враждебно, видимо, опасаясь, что она все же решила сменить работу ради учебы. Когда же Снежана начала поздравлять его и подарила свою книгу и открытку, он сразу оттаял, заулыбался, назвал ее Снежаночкой, удивился, что это она сама написала книгу, пообещал прочитать ее, и рассыпался в благодарностях.

Незадолго до обеда Владлен распорядился включить чайник, затем начал расставлять чашки, разливать шампанское и вообще был излишне оживлен.

Все собрались вокруг стола, и Снежана оказалась напротив Владлена. Он поднял чашку с шампанским, приглашая Снежану чокнуться с ним, а остальные, поняв, что Шмелёв хочет, чтобы она поздравила его первой, стояли вокруг и

ждали. Владлен был настолько растроган поздравлениями, что даже облил шампанским свой галстук. Когда Снежана встретилась с именинником взглядом, его глаза, светящиеся ярким внутренним светом, поразили ее. Таким счастливым она видела Владлена впервые.

Лосев, поздравляя его, пожелал, чтобы он, в конце концов, купил машину своей мечты. Снежане стало интересно, о какой же машине мечтал Владлен. Ей вспомнилось, как однажды они с мамой зашли в автосалон, и с благоговением стояли перед «Тойотой Короллой». По сравнению с «Окой» это действительно была машина мечты.

Вскоре Владлен оставил свое место напротив Снежаны и встал рядом с ней. Снежана, исподволь поглядывавшая на него, заметила, как он ослабил узел галстука, что выдавало волнение именинника. Отлучаясь куда-нибудь на несколько минут, он снова занимал свое место подле Снежаны.

Потом все разъехались на обед. В кабинете остались только Лера и Снежана, которая упорно добивала кусок именинного торта. В последнее время она разлюбила торты, но на этот раз решила доесть все за здоровье «новорожденного».

Погода была прекрасная и после чая Снежана отправилась прогуляться. Возвращаясь с улицы, она прошла мимо кабинета Атаманова. Дверь была открыта. В этот день Владлен изменил своему обыкновению и не поехал на обед домой. Он сидел за столом, положив сцепленные в замок руки перед собой. В его глазах замерло ожидание, но лишь позже

Снежане пришло в голову, что можно было бы отрезать кусочек торта, налить чайку в чашечку и прийти к любимому начальнику, поговорить. Но она была слишком дикой и не догадывалась, как можно лишний раз подчеркнуть свой интерес к мужчине.

Через некоторое время Владлен сам пришел в кабинет замов, где сидели Снежана с Лерой:

— Девчонки, что это вы такие румяные? — спросил он.

— Жарко от шампанского и чая!

Шмелёв сел за компьютер Амира и начал распечатывать какой-то документ. Лера, догадываясь о симпатии начальника к Снежане, ушла, оставив их вдвоем.

— Твоя книга каким тиражом вышла? — поинтересовался Владлен.

— Да небольшим, всего тысячу экземпляров.

Больше он ничего не спросил, а она, как всегда, не решилась продолжить с ним разговор.

Вторую половину дня Снежана работала в Бюро. Иногда под аркой без видимых причин появлялся Владлен, словно ноги сами несли его сюда. Ему лишний раз хотелось взглянуть на Снежану и убедиться, что она тут!

В конце рабочего дня Владлен с инспекторами отправился праздновать свой день рождения в кафе. Потом мужчины с восторгом говорили, что праздник удался.

А Снежана в этот день наслушалась комплиментов насчет своего яркого брючного наряда.

— Снежана, ты сегодня просто сногшибательная! — похвалила ее Вера.

— В честь дня рождения начальника не грех и нарядиться! — улыбнулась та.

— А что сказал Владлен Олегович? — любопытничала Вера.

— А что он скажет? — пожала плечами Снежана.

За окном висела серая хмарь. Небеса время от времени раздражались горькими слезами. Снежана смотрела в окно, и ее сердце наполнялось отчаянием. Увлечение Владленом зашло слишком далеко, и теперь ей оставалось только молча страдать.

Утром она поздоровалась с ним, и услышала в ответ:
— Здравствуй, солнышко!

Но эти ласковые слова не утешили Снежану. После дня рождения Владлена ей стало совсем тоскливо. Она надеялась, что он скажет что-то важное для них обоих. Она жаждала его любви, но это оставалось несбыточной мечтой.

Если бы она могла разлюбить его!

После обеда Владлен пришел в Бюро, остановился за спиной Снежаны, и попросил ее напечатать заявление. Та кивнула, а он со смехом спросил, не постеснявшись ни девчонку, ни народ, толпящийся за окнами:

— Я тут поторчу?!

Снежана испытала неловкость от бестактности Владлена и холодно отозвалась:

— Я принесу.

Загадочно улыбаясь, он вышел из Бюро.

Когда Снежана пришла с заявлением, Владлен с излишней горячностью поблагодарил ее, а потом спросил:

— Что я должен, Снежаночка?

Она ответила красноречивым убийственным взглядом. Владлен только рассмеялся.

На следующий день на работу после болезни вышел Амир, а «должник» Снежаны, напустив на себя при встрече с ней холодный вид, ушел на больничный. Владлен был опытным ловеласом, и умело пользовался искусством флирта, постоянно поддерживая интерес Снежаны к себе. Однако подобное поведение Владлена больно ранило Снежану, вселяя ложные надежды в ее сердце.

По гороскопу Снежана относилась к воздушному знаку Весов, и как все представители этой стихии была подвержена перепадам настроения. Она то витала в облаках, то погружалась в пучину отчаяния. Пока Владлен болел, Снежана немного успокоилась и ждала его без прежнего нетерпения, с тихой светлой радостью. Она решила просто жить, наслаждаясь каждым мгновением, проведенным возле него. Главное, что она любит его, а он помнит о ней, беспокоится и иногда говорит ласковые слова.

Последний день мая выдался на редкость дождливым и унылым. Снежана простыла, или может, подцепила бациллы от посетителей Бюро, и к концу рабочего дня у нее поднялась температура. А утром Снежана проснулась с пониженной температурой, но на работу вышла. До обеда она худо-бедно доработала. Оставалось пережить еще три часа и впереди —

два выходных: отлежаться, подлечиться, в общем, прийти в себя. Однако все вышло совсем не так. Утром в субботу температура упала до тридцати пяти градусов, и Снежане стало совсем худо. У нее не было сил дойти даже до поликлиники и пришлось вызвать врача на дом. Какая-то непонятная болезнь вынудила Снежану целых две недели провести в постели. Лечащий врач зашла в тупик и посоветовала пациентке лечиться народными средствами.

Снежана с мамой сразу вспомнили целительницу Анну Осиповну, которая полтора года назад спасла Снежану от гибели. В тот раз Нурия, подруга Григория Большакова, решила раз и навсегда убрать со своей дороги соперницу, чтобы у Григория не возникло желания вернуться к бывшей жене. Нурия считала, что в борьбе за личное счастье все средства хороши, и не побоявшись греха, прибегла к проверенному методу. Хотя Снежана с Серафимой Николаевной и были наслышаны о колдовстве, они не особенно верили во все эти «чудеса», но жизнь убедила их, что черная магия не только существует, но и приносит свои страшные плоды.

Мать с дочерью не раз замечали перед дверью своей квартиры разлитую воду, рассыпанную землю, разбросанные иголки, а на замке гаражных ворот однажды обнаружили прилепленную воском заднюю половину крошечного мышонка. Весь этот негатив подрывал здоровье Снежаны. День ото дня ей становилось все хуже и, не узнай тогда Серафима Николаевна совершенно случайно про Анну Осиповну, все

могло закончиться весьма печально.

Целительница оказалась строгой сухопарой старухой восьмидесяти двух лет, еще полной сил и энергии. Анна Осиповна сразу определила, что на Снежане смертельная порча, наведенная любовницей мужа.

Продолжая обследование Снежаны, Анна Осиповна обескуражила ее вопросом:

— А что, твой сын не родной твоему мужу?

— Родной... А почему вы спрашиваете об этом?

— Да потому, что твоя свекровь тоже желала смерти вам с сыном. Она приносила в ваш дом зло под личиной добра.

Снежана похолодела. Она сразу вспомнила, как однажды свекровь привезла пузырек с маслом от якобы мироточащей иконы Богородицы и пакетик земли с могилы Серафима Саровского. По совету свекрови Снежана положила землю под матрац сына в изголовье, а маслом мазала ему больные ноги, что могло приблизить смерть Лёвушки.

Во время снятия порчи Снежана едва не потеряла сознание. Анна Осиповна усадила молодую женщину на диван и, ласково поглаживая по голове и спине, успокаивающе проговорила:

— Теперь все будет хорошо. Обратись ты чуть позже, вряд ли я смогла бы помочь тебе.

— Как же я поведу машину в таком состоянии? — слабым голосом спросила Снежана.

Анна Осиповна таинственно улыбнулась:

— А так и поведешь.

Вскоре болезненная слабость у Снежаны прошла, и она спокойно села за руль.

Как и в первый раз, к целительнице они поехали на своей верной «Окулине», только теперь вел машину их дальний родственник, Василий, водила-дальнобойщик, а сама Снежана скрючилась на заднем сиденье.

До села Анны Осиповны, находящегося в ста километрах от Ленинска, они добрались без приключений.

Оставив машину под присмотром Василия на пригорке перед глинистым оврагом, изрезанным глубокими колеями, Снежана вместе с матерью пешком двинулись к дому целительницы. Пока они перебирались через овраг, навстречу им попалась черная кошка, дурная примета для других, но для Снежаны и Серафимы Николаевны кошка любого окраса всегда была добрым знаком. Каждый раз при встрече с этим животным мать с дочерью вспоминали почти мистический случай, произошедший в день похорон Лёвушки. Отец Снежаны и Григорий, который пришел на похороны сына, вышли покурить на крыльцо дома. Вдруг неизвестно откуда появился маленький серый котенок, и принялся громко мяукать, словно требуя впустить его в подъезд. Поскольку дверь в квартиру, где стоит гроб, запирать не принято, а по поверьям присутствие кошки может привести к новым смертям в семье, дед Лёвушки отогнал котенка подальше от дома.

Через некоторое время Снежана, сидевшая у гроба сына,

услышала в подъезде жалобное мяуканье, похожее на плач.

— Словно зовет кого-то, — проговорила тетка Снежаны Эмма Петровна, утирая платочком слезы.

— Это он меня зовет! — сказала Снежана и вышла из комнаты.

Все присутствующие молча проводили ее недоумевающими взглядами.

За дверью на лестничной площадке Снежана увидела котенка, окрас которого был так похож на серый костюмчик, в котором лежал Лёвушка. Особенно это сходство усиливала белая грудка котенка, напоминавшая белую рубашечку мертвого сына. Но самым удивительным было поведение котенка. Он сразу перестал «плакать» и, бросившись к Снежане, принялся с радостным мурлыканьем тереться об ее ноги. Присев, Снежана ласково заговорила с ним и стала гладить его по пушистой шерстке. Когда она собралась уходить, котенок пошел за ней.

— Тебе туда нельзя, — покачала головой Снежана. — Оставайся здесь.

Котенок словно понял ее слова и остался за дверью. В подъезде воцарилась тишина.

Когда выносили гроб с Лёвушкой, котенка уже нигде не было. Он исчез так же странно, как и появился. Больше его никто не видел. И Снежана поверила, что в облике котенка к ней приходила попрощаться душа Лёвушки.

Серафима Николаевна не сомневалась, что это действи-

тельно был Лёвушка, который очень любил свою мать, и таким образом передал ей последний привет. Поэтому при виде кошки женщины сразу уверились, что все будет хорошо.

Во дворе целительницы за невысокой изгородью ярилась крупная рыжая собака на длинной металлической цепи. Возле дома было припарковано несколько иномарок, прибывших из Саратовской области и из Татарстана.

Дождавшись в прихожей своей очереди, Снежана с Серафимой Николаевной вошли в зал, где принимала Анна Осиповна. Та сразу вспомнила, что мать с дочерью уже были у нее, и приняла их с радушием. Как и в прошлый раз целительница помогла Снежане избавиться от болезненной слабости, и из ее дома женщины вышли в приподнятом настроении.

После визита к Анне Осиповне все анализы Снежаны оказались в норме, да и сама она чувствовала себя неплохо, и врач выписала ее на работу.

Первое, что бросилось Снежане в глаза, когда она подходила к Ведомству, была машина Шмелёва, припаркованная напротив входа. Поднявшись на свой этаж, она увидела спину идущего впереди Владлена, но не окликнула его.

В своем отделе они глянули друг на друга лишь мельком, и Снежане показалось, что ему, как и ей, собственное поведение тоже кажется неправильным. Снежану тянуло к нему, а Владлена к ней, но они старались делать вид, будто между

ними ничего особенного не происходит. Интересно, долго ли им будет удаваться это бегство от самих себя?

Чувства к Владлену сводили Снежану с ума. Это было уже нешуточное увлечение. Это было нечто большее!

Заметив поникший вид Снежаны, Владлен, оглядев ее, сказал:

— Прекрасно выглядишь!

— Спасибо, — сдержанно ответила Снежана, но ее настроение сразу улучшилось.

Когда Большакова с документами в руках подошла к Алевтине Лосенковой, замещавшей ушедшую в отпуск Осокину, Владлен, сидящий на выдаче, развернулся на сто восемьдесят градусов на крутящемся кресле и с полуулыбкой пристально посмотрел Снежане в глаза. Его взгляд обещал чувственное наслаждение, притягивая подобно магниту, и словно вопрошал:

— Да?

— Да! — отвечали ее глаза.

После обеда Снежана пришла в кабинет замов с письмом из банка, чтобы Шмелёв позвонил туда за подтверждением, и хотя он спешил на прием к начальнику Ведомства, не смог отказать Снежане.

— Дайте скорее телефон, ко мне Снежана пришла, — оговорил он подчиненных, находящихся в кабинете.

Номер банка оказался занят. Шмелёв перезвонил еще раз. Лосев, внимательно наблюдавший за Владленом, неодобри-

тельно спросил:

— И оно тебе надо?

— Надо, — твердо сказал тот.

Этот лаконичный диалог ясно дал понять Снежане, что Владлен относится к ней не так, как к другим женщинам.

Позже Шмелёв ласково окликнул Большакову:

— Снежанка! Ты хоть иногда докладывай, как там у вас в Бюро обстоят дела. Ты постарше меня, поэтому давай командуй, следи за обстановкой.

Едва ли это был намек на ее возраст. Скорее, Владлен давал Снежане свое позволение проявить инициативу в их отношениях, но той хотелось, чтобы главный шаг сделал он сам.

На другой день Шмелёв был не в духе и отослал из своего кабинета одного из посетителей, не объяснив толком причину отказа. Расстроенный мужчина подошел к Снежане пожаловаться, и она, решив помочь ему, отправилась к начальнику выяснить, в чем дело. Владлен ответил, что транспортное средство не стоит на учете, и поэтому утилизировать его нельзя.

— Ну и что же человеку теперь делать? — спросила Снежана.

Тогда Владлен велел Лосеву пробить транспорт по Базе. Лосев начал ворчать на Шмелёва, что тому надо бы внимательнее смотреть документы, в них все указано. Выяснилось,

что все в порядке и гражданин имеет полное право утилизировать свое авто.

Когда Снежана вернулась с распечатанной карточкой, ее удивил ненавидящий взгляд Владлена, устремленный почему-то на ее ноги. При этом кулаки мужчины были крепко стиснуты, а на скулах играли желваки. Снежане стало смешно, и она с трудом сохраняла деловое выражение лица, пока начальник ставил свою подпись и печать. И причем здесь были ее ноги?

В очередную пятницу как обычно был архивный день. У Снежаны оказалось много заявлений, не подписанных инспекторами при выдаче. И одним из таких забывчивых товарищей оказался Владлен. Инспекторша Алла, зная, как болезненно реагирует на свои промашки Шмелёв, не без ехидства сказала Снежане, которую недолюбливала:

— А это тебе к Владлену Олеговичу.

Когда Шмелёв наконец-то после целого дня беготни с бумагами по Ведомству приземлился в своем кресле, Снежана отправилась к нему с кипой заявлений. Он встретил ее приветливо:

— О, Снежаночка, радость моя!

Увидев в ее руках стопку бумаг, поинтересовался:

— Что это ты мне принесла, любовь моя?

Оторопев от подобного обращения, Снежана объяснила, в чем дело.

— Как это я мог забыть? — удивился Шмелёв. — Это не мой стиль работы.

Он взял документы и игриво спросил:

— Ты, наверное, хочешь присесть рядом со мной?

— Да, конечно, — сразу согласилась Снежана и уселась за небольшой столик, стоящий перпендикулярно к столу начальника.

Владлен с нарочитым вниманием рассматривал документы, и балагурил, ставя свою роспись:

— Вот моя закорючка!

Он передавал Снежане каждый документ из рук в руки, не поднимая на нее глаз, и только легкое подрагивание пальцев указывало на его волнение.

— А это не я выдавал! — вдруг обрадовано воскликнул он.

Свидетелями этого разговора были Амир и сидящая напротив него молодая брюнетка, которая не спускала с Владлена глаз. А тот продолжал ставить свои «закорючки». Три документа Владлен отложил в сторону.

— Уж подпишите заодно и эти заявления, Владлен Олегович, — попросила его Снежана.

— Ну, ладно, давай, чего ты будешь бегать, — легко согласился Шмелёв.

Тут в кабинет вошел Стригунков и велел всем инспекторам готовиться к «разводу». Владлен сразу же забыл о Снежане. Ее «спасибо» повисло в воздухе, но она не обиделась. Она всегда считала, что существуют такие мужские дела, в которых женщинам нет места.

Как-то к Снежане пришел посетитель с запиской от Шмелёва. Последнее слово было написано неразборчиво.

— Лера, посмотри, пожалуйста, что это за слово, — обратилась Снежана к девушке.

Когда они и вдвоем не смогли разобрать почерк Владлена, Лера схватила записку со словами:

— Давай я к нему схожу! А ты пока печатай!

Снежане не очень понравилось, что с запиской, адресованной ей, к Владлену пошла Лера, но не драться же было из-за этого с взбалмошной девчонкой.

Валерия, невысокая симпатичная темноволосая девушка с янтарными глазами, была очень любопытной особой, и любила влезать в чужие дела. Вскоре она вернулась.

— Ну, что он сказал? — заторопила ее Снежана.

— Он спросил: «Ты что, Снежана?». А я говорю ему, что ты печатаешь заявление, — улыбнулась Лера.

— Так что же это было за слово?

— «Пожалуйста!»

Позже Снежана пришла сказать Владлену, что выполнила его поручение.

— Спасибоочки! — был ответ.

Владлен, зная, что Лера — девушка без комплексов, не обиделся на Снежану за то, что его записка попала в чужие руки.

Возле двери Снежана задержалась, увидев, что Владлен тоже собирается выйти из кабинета. Подойдя к Снежане, Шмелёв приобнял ее за талию:

— Ну, как дела?

— Да ничего, — со счастливой улыбкой отозвалась она.

Они вместе вышли из кабинета и разошлись каждый по

своим делам. Он, что-то напевая, она — сияя.

Наступили жаркие летние дни, и Снежана достала из гардероба легкую светлую полупрозрачную юбочку. Впервые увидев Снежану в новом наряде, Вера поинтересовалась:

— Ты кого собралась кадрить? Уж не Владлена ли Олеговича?

Снежана не стала отпираться.

Откровенная заинтересованность Шмелёва Снежаной вызвала у Веры нескрываемое любопытство. Вера, в глубине души сама очарованная Владленом, уже не раз пыталась вывести у Снежаны ее отношение к нему. Однажды Вера даже похвасталась:

— А меня Владлен Олегович называет «солнышком»! А тебя как?

— Да много как называет, но из слов шубу не сошьешь.

Целую неделю Владлен всю флиртовал со Снежаной, а потом взял тайм-аут. Снежана и сама понимала, что реагирует на его ухаживания совсем не так, как ожидает он, и уж абсолютно не так, как следовало бы вести себя влюбленной женщине, и поэтому, вполне естественно, такое ее поведение временами вызывало у Владлена разочарование. Он не мог понять, нравится ли он ей на самом деле или же она снисходительно принимает знаки его внимания, так как расположение начальника выгодно для нее.

В среду возник вопрос с агрегатом, на который потеряли

заявление. Алевтина не смогла решить такой заковыристый вопрос и велела Снежане обратиться к Амиру, но тот был категоричен:

— Все вопросы к Владлену Олеговичу!

Интересно, какие это «все»?

Владлен был холоден словно айсберг и Снежане пришлось чуть ли не силой вытягивать из него ответ. В конце концов, он все-таки подсказал, что делать с агрегатом, но с таким нежеланием, что Снежана, выходя из кабинета, с обидой ехидно произнесла:

— Спасибо за помощь!

В июне отмечали день рождения Лизы Сидоровой из Бюро. Она пригласила Эльвиру и других девочек из ее офиса, а также Снежану с Лерой. Эльвира, выглядевшая невеселой из-за разрыва с Владленом, поздравила именинницу и вручила ей подарок с пожеланием:

— Я хочу дать тебе совет: бери от жизни все, пока ты молодая. Хоть день, хоть час — да твой! Когда тебе будет как мне за тридцать, то уже поздно думать о любви!

— А вот когда тебе будет как мне за сорок... — начала Снежана, а затем рассмеялась и больше ничего не добавила.

Признание Снежаны стало для Эльвиры откровением. Она догадывалась, что Владлен расстался с ней не только из-за ссоры под Новый год. Была и еще одна причина — Снежана. Но Эльвира не могла даже предположить, что Владлен

променяет ее на женщину намного старше не только, чем она, но даже старше, чем он.

Время от времени Эльвира бросала на Снежану испытующие взгляды и изо всех сил старалась казаться оживленной, но глаза у нее были печальные, словно потухшие.

Попраздновав, девчонки пошли покурить, и Снежана решила проветриться вместе с ними. Они стояли кружком поодаль от входа в Ведомство, болтали и смеялись. Вскоре из здания вышел Владлен и, встав так, чтобы держать в поле зрения Снежану, тоже закурил в компании инспекторов, с независимым видом пуская дым вверх. Снежана отметила, что Шмелёв незаметно наблюдает за ней и доволен, что она не курит, как большинство девчонок из Бюро.

На профессиональный праздник Ведомства Снежана нарядилась в очередной экстравагантный брючный костюм с «бреднем» (как называла мама эту сетчатую накидку), и первым делом зашла в кабинет замов поздравить Владлена. Кроме него в кабинете оказались также Хайруллин, Лосев и Молчунов, и Снежане пришлось поздравить их всех.

— Большое спасибо! — ответил один Владлен и как-то ласково назвал Снежану, но она не разобрала как именно.

У Владлена, как, впрочем, и у самой Снежаны, была привычка порой говорить быстро и невнятно. Зинаида Петина, давно уже работавшая в отделении учета и панибратски относившаяся ко всем мужикам, не раз выговаривала Шмелёву за то, что тот любит бубнить себе под нос. Те же самые претензии она нередко предъявляла и Снежане.

В отличие от всех остальных инспекторов, Владлен явился на работу не в белой форменной рубашке, а в белоснежном спортивном костюме, и вскоре, к сожалению Снежаны, уехал. От Лосева она узнала, что Владлен ушел догуливать отпуск.

Подошло время ежегодного медосмотра. Снежана вместе с сотрудницами отправилась в специализированную поликлинику. Пройдя обследование и получив заключение, что

ее здоровье в норме, Снежана вернулась в Ведомство, и устроилась в кабинете замов проверять готовые документы.

К Хайруллину зашел пожилой мужчина, который хотел утилизировать свой мотоцикл, но забыл его учетный номер. Амир дал посетителю журналы, в которых были указаны номера всех стоящих на учете транспортных средств:

— Присаживайтесь и ищите номер своего мотоцикла.

Снежане же Хайруллин велел пересесть за пустующий стол Владлена, а посетителю уступить свое место. Та не без волнения осторожно присела на кресло Шмелёва. Оно было мягкое, роскошное, но слишком высокое для Снежаны. Все входящие в кабинет инспектора и девчонки таращили на нее глаза. Вошел Стригунков и тоже с удивлением уставился на Снежану.

— Что, у нас теперь новый начальник? — пошутил он.

Так по воле случая Снежане удалось посидеть в кресле Владлена.

В субботу по техническим причинам подразделение работало до двух часов без обеда. Из Бюро в отделение учета и обратно было не протолкнуться. Снежана с Лерой еле успевали справляться с наплывом посетителей.

Без Шмелёва бедный Хайруллин просто разрывался на части; в «бой» бросили всех: и майора Туманова, и капитана Краснова.

Около полудня Снежана насторожилась. До этого граж-

дан вызывал Молчунов, но неожиданно прозвучавший голос Снежана не спутала бы ни с каким другим. Этот низкий с властными нотками тембр мог принадлежать только Владлену. Инспектора настолько зашились, что Шмелёва вызвали из отпуска на подмогу. И тут судьба дала Снежане счастливую возможность отправиться в отделение учета с документом на авто, номер которого в ее компьютере не открывался.

Владлен был неотразим в ярко-красной футболке и серых спортивных брюках. Красивый, высокий, стройный — не мужчина, а просто мечта любой женщины!

— Здравствуйте, Владлен Олегович, персонально с ним поздоровалась Снежана, проходя к Алевтине Лосенковой.

— Здравствуй...

Снежана в очередной раз не разобрала, как ее назвал Владлен.

— Как дела? — поинтересовался он вдогонку, но ответил ему Лосев, в это время проходящий мимо и принявший вопрос на свой счет.

— Нормально.

Владлен ухмыльнулся.

Снежана стояла возле стола Лосенковой, восхищенно взирая на Шмелёва, уверенно взявшего ситуацию в свои руки. Туманов, Краснов и остальные инспектора были у него на подхвате.

Залюбовавшись Владленом, Снежана не сразу заметила, что на безымянном пальце его правой руки блестит золотое

кольцо, которого раньше она у него не видела. На кольце была выгравирована какая-то надпись. Этим летом появилась мода носить кольца со словами «Спаси и сохрани», и кольцо Владлена походило на такой оберег. Скорее всего, это был подарок жены, и Снежану пронзила боль оттого, что ее с этим необыкновенным мужчиной связывают только рабочие отношения.

Когда Шмелёв прошел в свой кабинет, находящаяся там Зинаида Петина начала в своей излюбленной грубоватой манере выговаривать ему:

— А ты чего это сюда приехал? Тебя же никто не вызывал!

— В том-то и дело, что вызывали, — огрызнулся он.

— А для кого это ты так разрядился? — продолжала насмешничать Петина.

Владлен стал раздраженно оправдываться.

Выходя из кабинета, он встретился со Снежаной взглядом, в котором сквозило затаенное восхищение, и еще раз задал волнующий его вопрос:

— Как дела?

И Снежана, впервые отбросив ложный стыд, ответила:

— Когда вижу вас, то все хорошо!

— Я очень рад! — серьезно сказал Владлен.

Снежана ожидала, что Шмелёв надолго пропадет, догуливая свой отпуск, но после выходных он вышел на работу.

Владлен два дня подряд оставался в обед на работе, и Сне-

жана решила поинтересоваться:

— Владлен Олегович, что-то вы второй день не ездите домой обедать?!

— Я на диете, сладкая моя!

— По-моему, вам не нужны никакие диеты.

— Хочу проверить, хватит ли у меня силы воли отказаться от искушения, — шокировал он ее своим ответом.

Владлен боролся со своими желаниями, боясь попасть в зависимость от прелестей Снежаны, но каждый раз его взгляд непроизвольно устремлялся к ее полупрозрачной юбке, сквозь которую просвечивали стройные ножки.

Пока паспортистки обедали, Владлен взялся резать принятые на утилизацию номера, хотя это вовсе не входило в обязанности начальника отделения. Снежана доедала принесенный из дома суп, когда Шмелёв позвал ее. Оставив недоеденный обед, она подошла к нему. С любопытством взглянув в лицо Снежаны с ненакрашенными губами, Владлен с умилением сказал:

— Оказывается, ты кушаешь, а я хотел, чтобы ты распечатала мне заявление.

Снежана пришла в замешательство. Порой Шмелёв относился к ней как к несмышленому ребенку и в такие моменты, не смотря на свой возраст, она ощущала себя рядом с ним его дочкой.

— Да я уже почти закончила обедать. Сейчас напечатаю. Она села за свободный компьютер, и поскольку ей было

непривычно работать на чужом месте, долго печатала заявление. Владлен вышел из своего кабинета и остановился возле паспортистки за стеклянной перегородкой. Снежана начала извиняться за свою медлительность, но Владлен молчал. У Большаковой появилось ощущение, что он хочет ей что-то сказать, но тут в железную дверь вошел один из инспекторов, и Владлен вернулся к себе в кабинет.

Владлену нравилось в Снежане абсолютно все: как она двигается, как говорит, как с робкой осторожностью поднимает на него глаза, когда он начинает заигрывать с ней. В отличие от других женщин, Снежана ничем не раздражала его. Рядом с ней Владлену было радостно и спокойно. Эта тихая светлая женщина пробуждала в его душе самые лучшие чувства. Он осознавал, что нешуточно запал на Снежану, и уже не раз был готов открыться ей, но его останавливал ее возраст. Ему казалось унижительным заводить роман с женщиной старше себя.

Длительное пребывание в состоянии постоянного разлада между разумом и чувствами измучило Владлена до такой степени, что он с горя решил напиться. Рассудив, что в этой ситуации водка – лучшее лекарство, Владлен после работы заехал домой, переоделся, и предупредив Марину, что должен отлучиться на пару часиков по важному делу, отправился в ресторан.

Уединившись за столиком в глубине зала, Владлен заказал бутылку водки и принялся методично опрокидывать рюмку за рюмкой. Прикончив бутылку, он собрался было заказать еще одну, когда в ресторан ввалилась троица подвыпивших парней и, не спросив разрешения, плюхнулась за его стол. Врачно уставившись на незваных гостей, Владлен зло спро-

сил:

— Я вас сюда приглашал?

— А мы привыкли без приглашения! — нагло отозвались те.

— А ну пошли вон!

— Что-о? Да кто ты такой, чтобы нам указывать? — начал приподниматься со стула один из парней.

— Вот сейчас и узнаете! — многообещающе произнес Владлен и врезал наглецу по морде.

И, как водится в лучших русских традициях, началась потасовка. Поскольку Владлен уже изрядно принял на грудь, а ему противостояли трое крепких и еще трезвых мужиков, то он «огреб» по полной. К чести нашего бравого майора следует сказать, что противоположная сторона тоже понесла «боевые потери».

На следующий день утром в Бюро Снежана услышала от Леры:

— Ты рожу Владлена Олеговича видела? Весь ободранный. То ли с женой подрался, то ли с любовницей.

— Нет, я его сегодня еще не видела, — ответила Снежана, обескураженная таким известием.

Поэтому, когда она пошла в отделение учета, то уже была относительно подготовлена к тому, что увидит.

Войдя в кабинет, Снежана поздоровалась с Владленом, сидящим спиной к ней. При звуке ее голоса он медленно повернулся. Его лоб и переносица вспухли и слились в одно це-

лое. Синяки и ссадины были тщательно замаскированы тональным кремом.

— Что это с вами случилось, Владлен Олегович? — обеспокоено спросила Снежана.

— Скажем, столкнулся с трудностями, — отозвался он.

— Вы уж поосторожнее, — сочувственно произнесла Снежана, и прошла к столу Лосенковой уточнить насчет нововведений Стригункова.

— Краснов тебе лучше объяснит, — сказала Алевтина.

— Если я сразу пойму, что к чему, — усмехнулась Снежана. — Алексей, что там насчет желтых номеров? — заходя на «мужскую половину», обратилась она к инспектору, уже спешащему к ней навстречу.

Тот начал охотно объяснять. Владлен поднялся с кресла и, расправив плечи, приблизился к ним. Выпятив грудь, подбоченясь, он медленно наступал на Снежану, тесня ее. Снежана физически ощутила мощный натиск его энергетической оболочки. Это почувствовал даже Краснов, который, невольно стусевавшись, сделал шаг назад. В боевой стойке Владлена, во всей его позе читался неприкрытый сексуальный вызов, что показалось Снежане совсем неуместным в данный момент.

Когда Большакова пришла по рабочему вопросу в компьютерный отдел в следующий раз, она увидела, что Шмелёв стоит, опершись руками о подоконник, и рассматривает свое отражение в зеркале, прислоненном к оконной раме.

Снежана окликнула Владлена, и он повернулся к ней. Подчиняясь силе взаимного притяжения, они встали рядышком, почти касаясь друг друга, и с нарочитым вниманием принялись рассматривать принесенные Снежаной документы.

В начале обеденного перерыва Большакова, поддавшись порыву сострадания к Шмелёву, вошла в его кабинет со словами:

— Владлен Олегович, как ваши боевые раны? Болят?

Он не стал притворяться перед ней, а только кивнул в ответ, слегка поморщившись. А потом удивил ее вопросом:

— Помочь хочешь?

— С радостью бы помогла! — с нежностью в голосе проговорила Снежана.

Они вместе двинулись к выходу из кабинета. Владлен осторожно взял ее под локоток, ласково поглаживая обнаженную руку, и тяжело с надрывом вздохнул. Этот вздох был красноречивее любых слов.

— Обстоятельства!... — только и сказал он, убирая руку, и заковылял по холлу.

После обеда дверь в Бюро оказалась запертой. Девчонки где-то задерживались, и Снежана остановилась в проеме арки, дожидаясь их. На этаже появился Владлен. Он медленно шел по коридору, не отрывая от лица Снежаны серьезного пристального взгляда. Выражение его глаз, сейчас казавшихся почти черными, было таким, словно он увидел в ней

что-то новое, о чем даже не подозревал.

Шмелёв медленно шел, опустив плечи, но не склонив головы, и сильно припадал на правую ногу. Чувствовалось, что он преодолевает боль, и Снежана подумала, что сегодня Владлен вышел на работу только ради нее. Видимо, хотел выглядеть в ее глазах героем.

Спустя некоторое время Владлен прихромал к Снежане в Бюро объяснить сегодняшние нововведения. То, что он в таком неприглядном виде пришел к ней, наполнило ее душу нежностью. Шмелёв всегда гордился собой и своим внешним видом, и сейчас ему пришлось проявить изрядную долю мужества, выставя себя на всеобщее обозрение в столь плачевном виде.

Уходя домой, Снежана заглянула в кабинет Владлена еще раз. Тот стоял возле своего стола, погруженный в невеселые, ведомые только ему одному думы.

— Вы уж берегите себя, Владлен Олегович! — попросила его Снежана.

Он повернул к ней избитое лицо, и его глаза просияли радостью.

— Хорошо, Снежаночка, я постараюсь, — заверил он ее.

На другой день Владлен не вышел на работу. Оказалось, что подполковник Каримов был очень недоволен своим подчиненным, который явился на службу в столь недостойном для офицера виде, и велел Шмелёву немедленно отправляться на больничный.

В обеденный перерыв паспортистки снова перемывали косточки Шмелёву. Лосенкова, как всегда, была категорична:

— И как только с Владленом живет жена?! У него просто невыносимый характер!

Всезнайка Петина с жаром воскликнула:

— Да у него жена-то истеричка! У них дело чуть не дошло до развода. Я до сих пор не могу понять, как Марине удалось уговорить Владика обвенчаться с ней!

Снежану этот женский разговор одновременно возмутил и сильно огорчил. У нее почти не оставалось надежды обрести счастье с Владленом.

На следующей неделе Снежана, придя на работу, увидела машину Владлена, припаркованную на своем обычном месте. Двери Ведомства были еще заперты, и возле них толпился народ. Вскоре двери открылись и, поднимаясь в толпе по лестнице, Снежана заметила Владлена. Они сухо поздоровались. Шмелёв, как обычно, держался надменно; от синяков на его лице не осталось и следа.

В конце рабочего дня Снежана увидела, что дверь в кабинете Эльвиры опять открыта, а сама она сидит за столом и что-то прилежно пишет. Снежана сразу ударилась в панику и, придя домой, горько расплакалась. Ее раздирали противоречивые чувства: и любовь и ненависть. Снежану душила обида на жизнь, на Бога, на Владлена. Наутро она встала с

опухшими от слез глазами.

На работе Владлен внимательно вглядывался в ее лицо, но ничего не сказал.

С очередным сложным вопросом Снежане опять пришлось идти к нему. Тот принялся многословно объяснять ей, что надлежит делать в таких случаях, но она ушла от начальника, так до конца и не поняв, как ей поступить. Видимо, Владлен прочитал это по ее глазам. Буквально через минуту он появился в Бюро. Увидев его, Снежана обрадовалась:

— Владлен Олегович, объясните, пожалуйста, гражданам сами. У вас лучше получится.

Тот подошел к ее столу и через окно разъяснил посетителю интересующий того вопрос, после чего с невозмутимым видом удалился. Лера изумленно спросила у подруги:

— А Владлен Олегович зачем приходил?

— Наверное, пришел мне помочь, — отозвалась та.

Во второй половине дня, когда все занимались архивными делами, Владлен энергично прошел на «женскую половину»:

— Снежана, ну как? Дела идут?

И повторил вопрос в ответ на ее оторопелый взгляд.

— Да, идут, — промямлила она.

— Даже едут, — съехидничала Атаманова.

— Кто у нас за старшую, ты, Снежана? — спросил Владлен.

— Нет, не я, — смутилась Большакова.

— А кто?

— Алевтина!

Шмелёв озадачил Лосенкову поручением и ушел.

Позже, когда Снежана с документами подошла к шестому окну, где в это время находился Владлен, он спросил:

— Снежана, ты что грустишь?

И нежно провел ладонью по ее спине.

Стригунков продолжал насаждать свои порядки. Правила работы менялись едва ли не каждый день. У Снежаны, никогда не отличавшейся особой хваткой, порой случались ошибки.

Как-то выбирая карточки в пустом кабинете замов, Снежана услышала недовольное гудение Шмелёва. Он был на выдаче, где одновременно подписывал готовые документы и ставил на них печать. Рассматривая одно из заявлений, он негодуя спросил:

— Это кто напечатал?

— А я сейчас скажу кто, — со злорадством отреагировала старшая паспортистка.

Бросив беглый взгляд на код оператора в верхнем правом углу документа, она с ликованием в голосе сообщила продолжавшему ворчать начальнику:

— Это Большакова!

Снежана замерла в ожидании, что скажет Владлен, но ответом было гробовое молчание. Шмелёв словно воды в рот набрал, а затем, как ни в чем не бывало, продолжил выдачу

документов. Лидия Ивановна была разочарована, а Снежана в душе ликовала. Владлен, о котором говорили, что он придирчив до педантизма, не высказал ей ни слова порицания за допущенную ошибку. Мало того, когда Осокина отправила Снежану в Бюро, Владлен остановил свою подопечную вопросом:

— Снежана, ты поняла, что мы теперь не ставим на учет Заречье?

— Да, Владлен Олегович, поняла, — улыбнулась она и он, удовлетворенный ее ответом, вернулся к прерванной работе.

На следующий день Владлен снова спросил у Большаковой:

— Снежана, ты помнишь, что мы Заречье больше не ставим на учет?

Она радостно кивнула в ответ.

Снежана, измученная неопределенностью, решила попытаться поставить точку в их странных отношениях с Владленом. Она собиралась признаться ему в своих чувствах и спросить, что же ей теперь делать.

Перед обедом в субботу, увидев, что Владлен отправился на улицу покурить, Снежана вышла следом за ним. Желая расположить к себе собеседника, она дотронулась до его локтя, но почувствовав, что Владлену это не понравилось, сразу убрала руку.

— Я могу вас считать своим другом? — доверительно спросила Снежана.

Она надеялась, что он ответит «Да, конечно!», но Владлен в этом безобидном вопросе сразу почувал подвох:

— Ну, это в зависимости оттого, что ты имеешь в виду.

Снежане подумалось: зря она затеяла этот разговор, особенно сегодня, когда Владлен был явно не в духе.

— Я просто хотела с вами посоветоваться, — решилась она все-таки продолжить разговор.

— Ну, давай, говори, — без особого энтузиазма отозвался он.

— Это слишком деликатный, личный вопрос, и мне хотелось бы поговорить с вами наедине.

— Где? — сразу выпалил он.

— Ну, не знаю... — замялась Снежана.

— Пойдем ко мне, — полувопросительно сказал он, имея в виду свой кабинет.

— Нет, лучше бы после работы, — несмело возразила она.

— О, милая моя! — усмехнулся он.

Снежане очень не понравился пренебрежительный тон, каким были произнесены эти слова.

— Ты знаешь, когда я заканчиваю работу? — спросил Шмелёв.

— Знаю, — кивнула Снежана.

— А что случилось-то? — все-таки поинтересовался он.

— Да, проблемы... — уклончиво ответила она.

Владлен понял, что Снежана еще не готова к отношениям, на которые он рассчитывал.

— Ну, когда определишься, скажешь, поговорим, — все же обнадежил он ее.

— Хорошо, — кивнула в ответ Снежана, больше всего в этот момент желая оказаться где-нибудь подальше от него.

Во время разговора Владлен маниакально тер локоть. Он досадовал на то, что Снежана лишний раз подтверждала его нелицеприятное мнение о женщинах.

Наспех пообедав, Снежана поспешила на свежий воздух. А Шмелёв решил пожертвовать обедом и вернулся к себе. Владлен ждал, что Снежана все же надумает прийти к нему в кабинет, как и прочие его поклонницы.

Время шло, а Снежана не появлялась. Поняв, что его ожи-

дания напрасны, Шмелёв переместился в кресло за шестым окном, чтобы не пропустить возвращение Большаковой.

Вернувшись с прогулки, Снежана увидела, что Владлен сидит, откинувшись на спинку кресла, и словно бы дремлет. Она молча прошла мимо него и взяла свою сумочку. Когда она открыла дверь, собираясь идти в Бюро, Шмелёв развернулся в ее сторону, но Снежана только презрительно глянула на него, и он не проронил ни слова.

После выходных с утра железную дверь в компьютерный отдел еще не открыли, и Снежана была вынуждена пройти через кабинет Шмелёва. Светлая полупрозрачная юбка, красный топик и серебряные босоножки гармонировали с нежным обликом женщины, и Владлен с удовольствием остановил на ней свой взгляд. Они поздоровались, и начальник начал многословно объяснять, что Снежана с Лерой пойдут в Бюро не вдвоем, а втроем, с новенькой девочкой, как он продолжал называть Дашу, которая отчего-то не нравилась ему. Снежана рассеянно кивала. Оставив в отделении регистрации пакет с термосом, в котором она носила обед, Снежана заторопилась в Бюро. Владлен остановил ее:

— Ты куда так спешишь?

— Работать, — обернулась она в дверях и неожиданно запнулась о порог.

— Нужно быть рациональнее, а то расшибешься, я буду переживать, — воскликнул Владлен, бросаясь следом за

Снежаной и проникновенно заглядывая ей в глаза, словно желая загладить свою вину за оскорбительный тон, каким он разговаривал в субботу.

— Не верю! — кокетливо отозвалась Снежана, приходя к выводу, что ей нужно научиться принимать Владлена таким, какой он есть.

От этих слов Владлен на мгновение оторопел, а затем спросил, позвала ли она с собой в Бюро новенькую. Снежана отрицательно покачала головой.

— Ладно, я сам ее пришлю.

— Да, скажите Даше сами, — кивнула Снежана.

— Как дела? — задал Владлен вдогонку свой излюбленный вопрос, но Снежана проигнорировала его.

После обеда Снежане попалась непонятная доверенность, и она пошла к Шмелёву уточнить, можно ли по ней снять с учета транспортное средство. Владлен улыбнулся ее вопросу:

— Снежана, ты же грамотный человек. Давай почитаем.

Она хотела положить документы ему на стол, но он лукаво произнес:

— А я уже читал и даже маленько подчеркнул.

Снежана смущенно взглянула на доверенность, которую держала в руках:

— О!.. Большое спасибо!

И довольная ушла в Бюро.

На другой день у Снежаны возник рабочий вопрос насчет

временного учета маршруток. Алевтина Лосенкова подозвала Молчунова, потом подключила Хайруллина, затем Краснова. Владлен тоже порывался принять участие в обсуждении, но никто почему-то не обращал на него внимания, и он с мрачным видом остался на месте. Было заметно, что Владлен явно обижен, и вскоре он подтвердил это. Услышав вопрос Снежаны, куда же ей все-таки «забивать» хозяйна маршрутки, в графу собственника или доверенного лица, Владлен не преминул едко буркнуть, употребив достаточно грубое непечатное словцо:

— В м...у!

Прозвучало это с таким смаком, что Снежане стало смешно. В этот момент Владлен был похож на маленького капризного мальчишку.

В подразделении ходили упорные слухи, что новый начальник собирается сократить четырех паспортисток. Стригунков поставил в своем кабинете компьютер и отслеживал, сколько заявлений обработала та или иная паспортистка, и тем, кто меньше всех делал документов, выносились замечание в устной форме. Даша и Лера, которых Лидия Ивановна совсем недавно стала обучать работе в отделении учета, нередко жаловались, что Стригунков не раз выговаривал Шмелёву за его подчиненных, а тот «спускал собак» на них. Даша как-то рассказала Снежане, что дома она проплакала весь вечер после очередного нагоняя от Владлена Олеговича.

Снежане Осокина велела начинать рабочий день с отделения учета и уже оттуда отправляться в Бюро. Как-то Большакова пришла раньше остальных паспортисток. Железная дверь в отделение учета была еще опечатана, поэтому ей пришлось пройти в компьютерный зал через кабинет Шмелёва. После приветствия он поинтересовался:

— Где Лера? Если она будет опаздывать, скажи мне!

Лера, как назло, в этот день задерживалась. Снежана набрала номер ее телефона:

— Ты где?

— Я уже возле Ведомства, — ответила та.

Вскоре в Бюро заглянул Владлен:

— Где Лера?

— Она уже поднимается по лестнице, — успокоила его Снежана.

Владлен ушел. Через некоторое время он снова появился в Бюро проверить, на месте ли Лера, и молча остановился на пороге, наблюдая за паспортистками. Затем сказал:

— Поэнергичнее, Снежана.

— Хорошо, — кивнула та, приняв к сведению совет Шмелёва.

Видимо, Владлен беспокоился, как бы Снежана не попала под сокращение.

После обеда у Снежаны появился повод сходить к Владлену с непонятным ей документом. Шмелёв и Хайруллин занимались какими-то отчетами. Снежана подошла к ним и громко воскликнула:

— Владлен Олегович, можно вас отвлечь на минутку?

Он тут же повернулся к ней. Она начала с жаром излагать ему свою заковыку, а он вдруг спросил с шутливой обидой, заглядывая ей в лицо снизу вверх:

— А ты что на меня кричишь?

— Нет, я не кричу, просто громко разговариваю, — ответила Снежана, глядя на него искрящимися глазами. — Вы сами велели мне быть поэнергичнее.

— Я говорил, в общем, — сразу начал юлить он, а потом перешел к рабочим делам.

Позднее под арку заглянул Стригунков, обходивший до-

зором свои владения. При виде Снежаны, сидящей спиной к раскрытому окну, он с беспокойством поинтересовался:

— Вас не продует?

Снежана поблагодарила его за заботу и заверила, что сквозняка нет.

Эксперименты Стригункова продолжались: обеденный перерыв он сократил до одного часа. Лосенкова сразу усе-лась считать количество рабочих часов в неделю, после чего они со Шмелёвым долго обсуждали новый распорядок работы. Паспортистки собрались в кабинете начальника и ждали конца дискуссии. Когда Шмелёв и Лосенкова пришли к общему соглашению, взгляд Алевтины упал на Снежану, и она задала начальнику резонный вопрос:

— А как же любимое Бюро?

Владлен распахнул свои карие глаза. Как же он мог забыть, что Бюро теперь начинало работу на полчаса раньше остальных отделений? И обсуждение продолжилось. На этот раз Шмелёв отнесся к подсчету часов более заинтересованно.

Для того чтобы уйти домой раньше на те же самые полчаса, Валерии и Снежане, работающим в Бюро, надо было получить разрешение начальства. Валерия, ходившая отпрашиваться у Шмелёва два дня подряд, заявила, что сегодня очередь Снежаны идти к Владлену Олеговичу, и вышла по-

курить. Пока Лера отсутствовала, возле окон появился Владлен и, побарабанив пальцами по подоконнику, сказал Снежане:

— Сегодня уйдете пораньше.

— А мы? — подала голос Лиза Сидорова, которая работала в Бюро от частной организации.

— А вы до пяти.

— Владлен Олегович, — обратилась к нему Снежана, — а Даше тоже можно уйти? Она, как и мы, пришла на полчаса раньше, только после обеда Лидия Ивановна велела ей делать документы.

Владлен изобразил на лице усиленную работу мысли, припоминая, кто такая Даша. Снежана показала на третий компьютерный стол, и начальник вспомнил.

— Да, пусть идет, — милостиво разрешил он.

Почему-то не смотря на всю красоту новенькой, Владлен не называл Дашу по имени, и она однажды с обидой пожаловалась Снежане, что Шмелёв не помнит, как ее зовут.

— С нынешними порядками скоро все забудут, как кого зовут, — успокоила девушку Снежана.

Когда Лера вернулась с улицы, Снежана обрадовано ей сообщила:

— Приходил Владлен Олегович и сам отпустил нас.

— С чего это он такой добрый? — поразились Лера.

Стригунков вновь решил сделать понедельник рабочим

днем, и Снежана зашла к Владлену в кабинет узнать, всегда ли теперь так будет. Шмелёв сидел усталый и расстроенный, и в ответ сказал лишь:

— Ой, Снежана, ничего-то я не знаю!

По понедельникам паспортистки снова начали работать посменно. В этот день их отдел не принимал посетителей, а занимался только бумажной работой. В свою смену, решив сходить в туалет, Снежана обнаружила, что обе железные двери на их этаже закрыты. Она подошла к Владлену:

— А как нам ходить на второй этаж?

— Возьми ключи у Лосева, — сначала сказал он, а потом передумал. — Хотя нет, я дам тебе свои, — и с этими словами Владлен отцепил от связки два больших ключа от обеих железных дверей. — Не потеряй! — напутствовал он Снежану, и уехал по своим делам.

В этот день Шмелёв в Ведомстве больше не появился, и его ключи ночевали у Снежаны дома.

Отдавая их на следующий день Владлену, она сказала:

— Возвращаю вам ключи в целости и сохранности, жаль только, что они не от вашего сердца.

— Ну, Снежана! — засмеялся довольный Владлен.

Позже, когда они встретились возле шестого окна, он подмигнул ей, она разулыбалась.

Несколько следующих дней Шмелёв не проявлял к Снежане видимого интереса, но когда она пришла со сложным

вопросом к Лидии Ивановне, и та принялась довольно путано ей объяснять, Владлен, присутствующий при их разговоре, задал Снежане наводящий вопрос. Убедившись, что она все поняла верно, он ушел в свой кабинет.

Уходя домой, Снежана персонально попрощалась с Владленом, стоящим в задумчивости возле окна выдачи, а он повернулся к ней и с дурашливым видом вскинул вверх руку:

— Пока, Снежан!

Последнее время Владлен держался со Снежаной сугубо по-деловому, никаких намеков на флирт. Правда, когда в понедельник она принесла Владлену заявление на отгул, он все же обратил внимание на ее ножки в изящных туфельках и поинтересовался:

— И что ты будешь делать?

Снежана, как всегда, ответила правду:

— Поеду провожать гостей.

Оставив подписанное заявление на столе у Шмелёва, она отправилась на второй этаж, где столкнулась с Всеволодом Шаталиным, выходящим из своего кабинета. Увидев Снежану, он как обычно не смог пройти мимо без очередной порции комплиментов:

— Вы нас всегда так радуете своей красотой, и надеюсь, еще долго будете радовать.

— Вы меня совсем захвалили! — смутилась Снежана, а он возразил:

— Что вы, это чистая правда!

Когда в разговоре речь зашла о грядущих сокращениях, Шаталин сказал, чтобы она никому не верила, что все это сплетни.

Через две недели Снежана снова принесла Владлену заявление на отгул, а он не поднял головы от своих бумаг, и на ее вопрос, можно ли ей взять выходной, ответил непривычным междометием:

— Угу!

Он впервые не поинтересовался, чем она собирается заниматься в свободное время.

Когда Снежана вышла на работу после отгула, девчонки в Бюро сказали, что она пропустила все самое интересное. Оказалось, что за грубое отношение к посетителям, Петиной запретили работать в Бюро. Одна из клиенток пожаловалась на зарвавшуюся паспортистку Стригункову, который дал нагоняй Шмелёву за хамское поведение его подчиненной. Тот в свою очередь устроил грандиозный разнос Петиной, велел ей и близко не приближаться к Бюро.

Своей грубостью и несдержанностью Петина нередко причиняла огорчения и Снежане. Неуверенность Снежаны вызвала у Зинаиды раздражение, и она частенько делала Большаковой обидные замечания, не обращая внимания на окружающих.

А еще девчонки рассказали Снежане, что пока она была в отгуле, Шмелёв их просто замучил придирами.

— Он через каждые полчаса к нам забегал и ругался, —

сказала Даша, и добавила, что при Снежане Владлен ведет себя совсем по-другому.

Наконец-то Снежана и Серафима Николаевна продали свою четырехкомнатную квартиру и купили двухкомнатную по улице Солнечной, с надеждой, что их жизнь переменится к лучшему.

Дом, в котором находилась их новая квартира, был расположен неподалеку от прежнего. Приобретенное жилище после выезда квартирантов выглядело весьма плачевно. Снежану с матерью ожидал грандиозный ремонт. Но они были рады, что все же продали квартиру, в которой произошло так много трагических событий. Еще одной из причин, побудившей их как можно быстрее расстаться с прежним жильем, даже в ущерб своему кошельку, была царящая там гнетущая атмосфера, а после скоропостижной смерти отца пребывание в квартире стало вовсе невыносимым.

В воскресенье Снежана с мамой весь день переносили хрупкие вещи на новую квартиру, а в понедельник грузчики перевозили их добро, состоящее главным образом из коробок с книгами. Новый дом находился так близко от старого, что пока машина с вещами ехала в объезд по дороге, Снежана и Серафима Николаевна, отправившись пешком напрямик, оказались возле подъезда раньше грузчиков. Самым сложным делом была перевозка попугая. Кешка ужасно разволновался. Он тяжело дышал, раскрыв клюв и растопы-

рив крылья, и Снежана боялась, что попугайчик умрет.

И вот, наконец, грузчики, получив расчет, уехали, и Снежана с Серафимой Николаевной остались один на один со своим скарбом, кучей наваленным в квартире. Только холодильник и стиральная машина сразу заняли свои места на кухне. Мать и дочь с ужасом уставились на все это безобразие, а затем друг на друга. Им казалось, что в новой квартире они никогда не смогут наладить человеческий быт.

Компьютер Снежаны в Бюро сломался, и она сидела за столом, ожидая прихода компьютерщика. В этот день Снежана накрасила глаза и была в таком наряде, что встретивший ее по дороге в Ведомство Шаталин не смог сдержать восхищения:

— Снежана, ты сегодня словно весна!

Вскоре к окну Снежаны подошел Владлен:

— Бездействуешь?

— Компьютер сломался.

— Ну, ты помогай девчонкам хотя бы советом.

Он сменил свою привычную прическу и отпустил челку. Снежане казалось, что зачесанные назад волосы идут ему больше, но и так тоже было неплохо.

На следующий день в обед, едва она успела позвонить маме по городскому телефону, стоящему в кабинете замов, вошел Владлен, обдав ее табачным ароматом. Выглядел он осунувшимся, но старался не выказывать беспокойства, хотя

уже знал, что в Ведомстве грядут глобальные перестановки.

С первого дня появления Стригункова в Ведомстве между ним и Шмелёвым возникли трения, которые позднее вылились во взаимную неприязнь, и у Владлена были все основания ожидать опалы от нового начальника.

Слухи о том, что Стригунков собирается перевести Владлена в батальон, расстроили Снежану. Она была просто сама не своя. Ей было так горько! Она лишалась своего любимого начальника и покровителя.

Когда Снежана зашла в отделение учета, Владлен, сидевший на выдаче в шестом окне, проговорил с нескрываемым сожалением:

— Эх, Снежана, Снежана!..

В конце рабочего дня она увидела идущего к ней Владлена. Вдруг он резко остановился, словно наткнувшись на невидимую преграду, и глядя на Снежану исподлобья, выразительно повел глазами в сторону кабинета, словно приглашая за собой. Душа Снежаны рванулась за ним, но она почему-то осталась на месте.

По дороге домой Снежана увидела «Газель», в которой одиноко стоял женский гроб, покрытый белым кружевом. Это настолько потрясло Снежану, что она инстинктивно перекрестилась. А затем она прошла мимо свадебного кортежа и увидела невесту с женихом, и Снежане подумалось, что возможно, это не случайные встречи, а знаки судьбы!

На последние числа августа Стригунков назначил важное собрание. В конце рабочего дня, проходя мимо Бюро, и увидев Снежану с сумкой в руках, Владлен предостерег ее:

— Никуда не уходи, Снежан! И Лере скажи...

Новый начальник собрал весь коллектив в самом большом кабинете. То тут, то там раздавались нервные смешки. Снежана с Владленом обменивались взглядами. Шмелёв шутками старался разрядить напряженную обстановку.

Стригунков вызывал всех по списку, как учеников в школе, к своему «учительскому» столу, и каждому вручал уведомление об увольнении в связи с реорганизацией подразделения. Свое уведомление Владлен сразу же небрежно свернул и убрал во внутренний карман, а Снежана аккуратно, стараясь не измять, положила официальную бумагу в сумочку.

Затем Стригунков объявил, что в течение двух месяцев тем, кто попадет под сокращение, предложат два новых места, а если они откажутся, будут искать работу самостоятельно.

— Кому не нравится председатель, пусть ищет другой колхоз, — пошутил он напоследок.

Вот так закончились золотые деньки Атамановской вольницы. Наступало время Стригунковского правления.

Владлен вновь начал проявлять интерес к Снежане. Когда она обедала за столом уехавшей домой Осокиной, вошел Шмелёв:

— Приятного аппетита, Снежана... забыл, как тебя по батюшке!

— Спасибо, а по батюшке я Викторовна, — поблагодарила она.

Даша издала сдавленный смешок. Лера хмыкнула.

Потом Даша в очередной раз с уверенностью сказала Снежане:

— Нет, он все же к тебе неровно дышит.

Лера подхватила:

— Давай, Снежана, рассказывай, почему Владлен Олегович только тебе носит печатать заявления!

В ответ та лишь улыбнулась.

В первой половине рабочего дня Снежана ходила к Владлену с рабочим вопросом. Он ей все объяснил, потом поднял на нее смешливые глаза, казавшиеся сейчас янтарными в свете ярких солнечных лучей, льющихся из окна:

— Якши?

— Да, все понятно. Спасибо.

А вечером этого же дня Владлен разыграл Снежану. Протягивая ей телефонную трубку, он с озорным блеском в гла-

зах воскликнул:

— Снежана, тебе звонят. Москва на проводе. Ответь. Представься...

Чувствуя подвох, Снежана отказалась взять трубку, но вид у нее в этот момент был настолько комичный, что Шмелёв и инспектора от души рассмеялись. Тут с недовольным лицом подошла Осокина, которой был адресован этот телефонный звонок, и Владлен с деланным удивлением воскликнул:

— А, Лида, ты здесь? А я тебя не заметил, думал, что тебя нет.

— Владлен Олегович, вы так больше не шутите, — попросила его позже Снежана. — Вы меня ставите в неловкое положение перед Лидией Ивановной.

Утром в пятницу, поднявшись на свой этаж, Снежана увидела паспортисток, в недоумении толпящихся на площадке перед запертой железной дверью. Вскоре дверь открыл сам Шмелёв и, впуская сотрудниц, начал одаривать их шутками и выразительными взглядами. Снежане он адресовал особый комплимент:

— Снежана, у тебя каждый день новый наряд!

Та хитренько улыбнулась:

— Для вас стараюсь, Владлен Олегович.

Шмелёв сразу утратил интерес к встрече женского контингента и ретировался в свой кабинет.

После обеда Снежана занималась архивными делами в

компьютерном отделе. Доносившийся из кабинета голос Владлена, низкий, глубокий, заставлял трепетать душу Снежаны. В довершение ко всему, сегодня Снежана испытала потрясение, услышав, что у Владлена сигналом вызова на мобильном телефоне стоит романтическая песня «Ода нашей любви», хит нынешнего лета. Раньше у него был звук льющейся то ли воды, то ли водки, а тут вдруг такая песня!.. Наверняка, он сменил сигнал под влиянием своих чувств к ней, но почему-то ей захотелось плакать. Однако это было так глупо, что, вздохнув, она достала из сумки леденец и принялась разворачивать его, громко шурша оберткой.

— Это кто тут втихаря конфетки кушает? – раздался веселый голос Владлена, внезапно появившегося около стола Снежаны.

— Это я, — грустно ответила она и отправила леденец в рот.

— А-ах... — только и воскликнул Владлен.

Снежану поражало, что Владлен каким-то шестым чувством всегда угадывал ее плохое настроение, и старался шуткой отвлечь от грустных мыслей.

Когда Снежане и еще двум паспортисткам подошло время идти домой, оказалось, что Шмелёва вызвал к себе Стригунков. Парадокс заключался в том, что Стригунков, сам давший распоряжение начинать работу в Бюро на полчаса раньше, чем в других отделениях, в то же время не хотел даже

слышать о том, чтобы они и уходили раньше на те же тридцать минут. Кроме Владлена никто не брал на себя ответственность отпускать сотрудниц как положено, не нарушая трудового кодекса.

Обиженные девчата ждали Шмелёва. Инспектор Молчунов, долгое время работавший с Владленом и хорошо знавший его характер, выразил им свое сочувствие:

— Что-то начальство не очень о вас беспокоится. Где же Шмелёв? Да вообще-то ему на все наплевать.

Снежана решила бороться за свои права. Она прошла в кабинет Шмелёва и уселась там, дожидаясь его возвращения. Большакова собиралась высказать начальнику свои претензии насчет переработки. Лера и Даша скромно стояли рядом. Через некоторое время в кабинете появился озабоченный Шмелёв, но увидев расстроенные лица девчат, приветливо осведомился:

— Ну что, девицы-красавицы, всю работу выполнили? Тогда можете идти домой.

21

Уже третью неделю Владлен работал в Зареченском Ведомстве. Стригунков, как истинный мастер интриги, воспользовался удобным моментом реорганизации подразделения и отправил неугодного Шмелёва подальше от Главного Ведомства. А на место несговорчивого зама поставил более покладистого Стефана Кульбенка.

Майор Стефан Казимирович Кульбенек был среднего ро-

ста, крепкого телосложения, всегда чисто выбритый и подтянутый, в начищенных до зеркального блеска туфлях. Его узкое лицо с красиво очерченным ртом и прозрачными голубыми глазами производило приятное впечатление на окружающих. Единственным недостатком внешности Стефана была едва заметная косолапость, которая несколько утяжеляла его походку. Характер у Кульбенка был уравновешенный и в любых обстоятельствах он не терял выдержки.

А начальником учета Стригунков назначил Амира Хайруллина, спокойного и неконфликтного, к тому же компетентного во всех служебных вопросах.

В архивный день Молчунов с Красновым вспоминали Шмелёва.

— От него все Заречье вешается! — давясь от смеха, рассказывал Молчунов.

«Хорошо хоть, что вешаются от Владлена, а не на него», — подумала Снежана.

Перед самым переводом Шмелёва в Заречье, Снежана, словно предчувствуя скорую разлуку, уходя с работы, вложила ему в ладонь записочку с номером своего сотового телефона и просьбой позвонить ей. Владлен взял записку с видом человека, привычного к подобным ситуациям.

Записка разочаровала Шмелёва. Он рассчитывал, что ему назначат свидание, а тут была лишь просьба позвонить. Владлену очень хотелось встретиться со Снежаной наедине, но он не привык тратить на пустые разговоры и съемные

квартиры. Он всегда считал женщин существами более низкого сорта, чем мужчины, осуждая их за излишнюю страсть к чувственным наслаждениям, толкавшую на измену мужьям. О том же, что сам поступает не лучше, ему, как и большинству мужчин, даже не приходило в голову. Мужчина — это венец творения, царь природы, ему дозволено все.

Владлен занес номер Снежаны в мобильник, но всякий раз, когда он был готов нарушить свои принципы и позвонить ей, какой-то внутренний запрет останавливал его.

После того, как Владлена перевели в Заречье, у Снежаны начал портиться характер. Она стала ворчливой, обидчивой и раздражительной. Без Владлена ее жизнь превратилась в безрадостные будни.

Прождав две недели и поняв, что Владлен не позвонит, Снежана решила позвонить ему сама. Страшась предстоящего разговора, и будучи не уверенной в том, что он захочет говорить с ней, она откладывала звонок со дня на день. Наконец, набравшись храбрости, она позвонила Владлену. Он сразу же взял трубку. По телефону его голос показался Снежане каким-то незнакомым.

— Здравствуйте, — сказала она. — Это Снежана. Помните еще такую?

Он ответил вопросом на вопрос, даже с некоторой обидой:

— А почему это я должен вас забывать?

— Мне непривычно, когда вы называете меня на «вы»!

— А как мы теперь должны общаться?

— Я давно собиралась вам позвонить, но мне все было как-то неловко, — начала она.

— А что случилось? — заволновался он.

— Просто решила узнать, как вам работается в Заречье.

— Работаем понемногу, — неопределенно ответил Шмелёв.

— Мы тут все по вас соскучились, особенно я. А вы вернетесь к нам?

— Скорее всего, нет. А как дела у тебя? Тебе предлагали какое-нибудь место?

— Нет, - ответила Снежана. — Даша собирается увольняться, а мне некуда идти. Я и сюда-то с трудом устроилась. Жаль только, что зарплата очень маленькая.

В ответ на ее сетования он заметил:

— Зарплата больше, зарплата меньше, это все относительно. Главное, что организация государственная. Я бы на твоём месте дождался окончательного решения начальства.

— Я так и собираюсь сделать, — заверила его Снежана.

Затем Владлен начал прощаться с ней:

— Мне было очень приятно, что ты позвонила. До встречи!

— До свидания, — ответила она.

Вот такой получился у них разговор. Его слова «почему я должен вас забывать» и что ему было очень приятно услы-

шать ее, обнадежили Снежану.

После этого разговора в голове Снежаны родилась мысль пригласить Владлена на свой день рождения в ресторан. День рождения — праздник особый и вряд ли кто отважится расстраивать «новорожденного». Снежана не думала, что Владлен захочет ее обидеть, и наивно полагала, что приглашение в ресторан ни к чему не обязывает ее бывшего начальника.

Однажды Снежане, печально нумеровавшей папки, слышался голос Владлена, но она подумала, что это ей мерещится. Желая разрешить свои сомнения, она поднялась из-за компьютерного стола и в кабинете замов увидела Шмелёва, разговаривающего с Хайруллиным. Ее сердце совершило головокружительный кульбит. Снежану бросило сначала в жар, а потом в холод. Она поспешила в кабинет. Владлен первым поздоровался со Снежаной, глядя на нее светящимися радостью и нежностью глазами.

Хотя Снежане нездоровилось, и ей казалось, что выглядит она не самым лучшим образом, Владлен смотрел на нее так, словно никогда не встречал женщины красивее, чем она. Снежана сразу поняла, что ее худшие опасения не подтвердились, и в Заречье ей не нашлось соперниц.

Владлен со Снежаной смотрели друг на друга, не в силах отвести взгляд. Позднее, поднимаясь вместе с Дашей на свой этаж, Снежана увидела Владлена, бодро сбегającego вниз по лестнице. Он попрощался с ними и снова исчез неизвестно

на сколько.

Даша, которая, как подозревала Снежана, тоже была равнодушна к Владлену, сказала ей:

— Это он попрощался с тобой.

Вечером Снежана снова хандрила и плакала. Она отчаянно завидовала жене Владлена, с которой он прожил столько лет и никуда не ушел, в то время как ее саму, Снежану, муж бросил в самый страшный момент жизни.

Снежане хотелось быть рядом с Владленом, восхищаться им и просто любить его. Ей не давала покоя мысль, ради какой женщины Владлен поставил на свой мобильный телефон «Оду нашей любви». Подсознание нашептывало, что эта женщина — она, но ей было трудно поверить в это.

В конце сентября уволилась Даша. Снежане было жаль расставаться с ней. Несмотря на очень большую разницу в возрасте, между ними возникла настоящая дружеская привязанность. Они болтали о всякой ерунде, весело смеялись. Так легко и беззаботно Снежана чувствовала себя еще с двумя людьми: Валерией и Верой. А среди женщин, работавших в отделении учета, Снежана так и не встретила родственную душу.

Нонна Атаманова, поначалу взявшаяся опекать Снежану, вскоре начала относиться к ней совсем по-другому. Нонна была из тех людей, которые обычно покровительствуют тем, кто, по их мнению, глупее и бездарнее, чем они. Атаманова была глубоко уязвлена писательским даром Снежаны. Еще одной причиной возникшей неприязни стало особое отношение Шмелёва к Большаковой, которая, будучи на пять лет старше него и Бог весть на сколько старше самой Атамановой, стала любимицей начальника. Кроме того, глядя на утонченную красоту Снежаны, Нонна особенно остро воспринимала недостатки своей внешности. Всего этого она не могла простить Снежане, и старалась найти повод придраться к ней. Когда Даша ушла из Ведомства, Снежана с сожалением сказала:

— Вот и еще на одного хорошего человека стало меньше!

— Да, одни плохие остались! — сразу вскинулась Атаманова.

Когда язвительность Нонны переполняла терпение Снежаны, она давала ей отпор, и на какое-то время та оставляла ее в покое, а потом все начиналось заново. Обе уже поняли, что это война без конца.

Другие женщины не вступали со Снежаной в открытую конфронтацию, однако она чувствовала их скрытую недоброжелательность. Они не могли смириться с тем, что Большакову в таком возрасте приняли на работу без испытательного срока. Это был беспрецедентный случай в Ведомстве, который стал притчей во языцех; даже главный бухгалтер, впервые увидев Снежану, удивленно спросила:

— Так это вас приняли сразу?

Как-то зайдя в свое отделение, в окне, где когда-то выдавал документы Шмелёв, Снежана увидела Стефана Кульбенка. Рядом с ним стоял Амир, что-то объясняя, и оба сияли как два начищенных медных пятака. У Снежаны защемило сердце. Ей было обидно за Шмелёва, хотя она и понимала, что «свято место пусто не бывает». Как же быстро все забыли о Владлене! Что ж, каждый за себя. Кульбенек и Хайруллин радовались, что остались в Ведомстве и их никуда не сослали. Мало того, Кульбенек занял стол Шмелёва, к чему Снежане привыкнуть было еще труднее.

Однажды утром Стефан вошел в Бюро и спросил, обра-

щаясь к паспортисткам:

— Ну, как настроение?

— Боевое! — бодро откликнулись девчонки, и только Снежана промолчала.

Вот и наступил октябрь.

С Владленом Снежана не проработала даже года. Она тяжело переживала разлуку с ним. Ее душа изболелась по Владлену, который по воле злой судьбы, а скорее из-за коварства Стригункова оказался далеко за пределами Главного Ведомства. Видя терзания дочери, мать посоветовала ей найти себе друга, и перестать мечтать о несбыточном, но Снежане нужен был только Владлен.

Перед своим днем рождения она снова позвонила Владлену, хотя опять долго собиралась с духом. Но она напрасно волновалась, Владлен был заметно обрадован ее звонку.

— А я хочу поделиться с вами хорошей новостью. Мне предложили остаться в должности паспортистки нового подразделения, — начала она разговор.

— Поздравляю, — сказал Владлен, и поинтересовался: — Такое предложение сделали только тебе?

Снежана ответила, что оставили всех, а затем добавила:

— Мне так неприятно видеть на вашем месте Кульбенка!..

— Что же поделаешь, — философски заметил Шмелёв.

— Я слышала, что вас собирались перевести в батальон.

— Да вот что-то пока никак не переводят, — вздохнул

Владлен.

— А я сегодня увидела вашу подпись на документе, выданным Зареченским отделением учета, и словно привет от вас получила!

Это вызвало у него улыбку. Видимо, ему были приятны слова Снежаны.

— Звони еще, — напутствовал он ее в конце разговора.

— Надеюсь, мы еще встретимся! — со значением сказала она.

Судя по тому, с какой доброжелательностью простился с ней Владлен, он был вовсе не против такой перспективы.

Этой ночью Снежане приснилось, будто она лежит на диване, а Владлен сидит на ковре возле нее, и они держатся за руки. Она проснулась с удивительным ощущением, словно это было на самом деле. На другой день, нумеруя папки, Снежана с нежностью проводила пальцем по подписям Шмелёва.

Машине Снежаны подошел срок техосмотра, но въедливый инспектор не выдал новый талон из-за отсутствия задних ремней безопасности. Поэтому в выходной день Снежана поехала в центр обслуживания автомобилей ставить ремни.

«Окулину» загнали в отдельный бокс, а Снежана направилась в центральный офис автосалона. Она бесцельно бродила между выставленными на продажу автомобилями. Бросив

случайный взгляд в сторону соседнего зала, Снежана не поверила своим глазам. Там возле стола администратора стоял... Владлен. Он был в форме, с черным портфельчиком в руках, и выглядел расстроенным. Сердце Снежаны учащенно забилося, руки похолодели от волнения. Она растерялась, не зная, как ей поступить: то ли подойти поздороваться, то ли спрятаться, но тут ее подозвала к своему столу работница офиса. Снежана присела на стул, украдкой наблюдая за Владленом из-за спин толпящихся клиентов, и увидела, что он идет в ее сторону в сопровождении мастера автосервиса. Отбросив всякие сомнения, Снежана с улыбкой воскликнула:

— Здравствуйте, Владлен Олегович!

При виде нее его брови удивленно поднялись, а глаза, только что бесстрастно оценивающие девушку-администратора, сразу озарились искренней радостью.

— Подожди минутку, — попросил он Снежану, проходя мимо нее. — Я сейчас вернусь!

Вскоре «Окулину» выгнали из бокса, и сотрудница техцентра выписала Снежане счет. Касса находилась в соседнем зале. Когда Снежана возвращалась с оплаченным чеком, в дверях техцентра появился Владлен. Не найдя ее возле стола администратора, он с беспокойством закрутил головой, а увидев, сразу устремился к ней. Владлен был настолько рад этой неожиданной встрече, что готов был обнять Снежану, но ее сдержанность охладила его пыл. Владлен на шаг отсту-

пил от Снежаны и притушил блеск своих глаз.

— Ты решила купить новую машину? — спросил он.

— Если бы! — вздохнула Снежана. — Я всего лишь ставлю ремни безопасности на свою «Оку».

— Тогда почему ты не выбрала сервис попроще?

— Да только здесь и согласились взяться за эту работу. А без ремней я не могу пройти техосмотр. А вы тут что делаете? — в свою очередь поинтересовалась Снежана.

— Да так, немножко чиню, — уклончиво ответил Владлен.

— У вас сегодня выходной?

— Да нет, я успеваю и тут, и там, — не без гордости сказал он.

— Вы молодец! — искренне похвалила его Снежана, а потом добавила: — Верно говорят, что мир тесен. Наша встреча доказывает это.

По лицу Владлена пробежала тень. Отчего-то эти безобидные слова Снежаны не понравились ему, и он начал прощаться.

Снежана прошла к своей машине, отдала охране пропуск в обмен на ключи зажигания, но не поторопилась уехать. Ей было любопытно узнать, какой марки машина у Шмелёва. Через некоторое время он вышел и с непроницаемым лицом направился к новому темно-красному «Форду». В этот момент Снежане позвонила Серафима Николаевна, узнать, как дела у дочери. Услышав оживленный разговор Снежаны,

Владлен помрачнел, думая, что она говорит со своим бойфрендом. Заметив перемену в настроении Владлена, Снежана покинула техцентр в отличном расположении духа.

В архивный день после обеда Кульбенюк дал сотрудницам указание вымыть окна и заклеить их на зиму. Когда с окнами было покончено, все паспортистки вышли в холл, а Лидия Ивановна принялась мыть полы в отделении учета.

— О, какие люди к нам пожаловали! — вдруг раздался вопль Алевтины Лосенковой.

Оказалось, что в Ведомство приехал Шмелёв. Он поздоровался со всеми и, мельком глянув на Снежану, прошел в кабинет Стригункова. После непродолжительной аудиенции Владлен остановился в холле поболтать с инспекторами. У него был вид человека, вполне довольного своей жизнью. От растерянности, которую Снежана заметила у него в автоцентре, не осталось и следа. Там Владлен не был объектом пристального внимания, и мог обойтись без своей привычной маски. Здесь же, зная как много у него недоброжелателей, Шмелёв старался показать, что у него «все в шоколаде».

Снежане было очень одиноко и тоскливо без Владлена, но жизнь шла своим чередом. Вторник как обычно оказался тяжелым днем. До обеда паспортистки работали как проклятые, словно рабы на галерах: ни тебе технологических перерывов, ни тебе чаю испить, и в отделении учета Снежана появилась только в обед. Заглянув в кабинет, она с грустью

отметила, что со стены над бывшим столом Шмелёва исчезли две его почетные грамоты, и хотя в отделении учета уже ничего больше не напоминало о Владлене, он по-прежнему оставался излюбленной темой разговоров паспортисток. Как-то после звонка в Зареченское отделение учета, Осокина со смехом сказала:

— Лариса жалуется, что у них от Шмелёва все паспортистки плачут.

— Как хорошо, что его от нас убрали, — подхватила Лосенкова. — Нам от него тоже не было покоя. Пусть теперь они с ним помучаются!

После обеда в кабинете замов Снежана в одиночестве собирала порядком надоевшие ей папки. Кульбенок был на выдаче, Хайруллин обретался там же. Снежана слушала доносящиеся до нее через открытую смежную дверь рабочие разговоры и думала о Владлене. Она заказала в ресторане на свой день рождения столик на двоих. Теперь оставалось только пригласить Шмелёва.

Снежана ждала пятницы, собираясь позвонить Владлену, но тот сам приехал в Ведомство на совещание инспекторов, которое проходило в кабинете замов при закрытых дверях. Когда кто-нибудь входил или выходил, Снежана могла видеть сидящего за столом Владлена. Совещание затянулось. Паспортисткам подошло время идти домой, и Снежане ничего не оставалось, как перенести звонок на субботу.

Снежане трудно далось начало разговора, особенно тот

момент, когда она озвучила свое приглашение.

— В ресторан «Седьмое небо»? — переспросил Владлен.
— Это круто! Только надо было предупредить меня заранее.

— Вот я и звоню заранее — за четыре дня, — удивилась Снежана.

— Я ведь теперь далеко работаю, не знаю, во сколько освобожусь, — извиняющимся тоном проговорил он.

— Думаю, до восьми вечера вы освободитесь. Можно прийти и к девяти часам. Я буду вас ждать!

— Ну, хорошо, созвонимся, — согласился Владлен.

— А кто кому позвонит, я вам, или вы мне? — поинтересовалась Снежана.

— Давайте вы мне, — после короткой заминки сказал он.

Владлен снова внес сумятицу в мысли Снежаны. Он то называл ее на «ты», то на «вы», видимо сам не зная, как к ней обращаться.

Приглашение Снежаны одновременно удивило и обрадовало Владлена. Поддавшись душевному порыву, он не нашел в себе сил отказать ей. Соблазн пойти со Снежаной в ресторан был велик, но чем меньше оставалось времени до дня ее рождения, тем больше Владлен сомневался в том, что он выполнит свое намерение. Его обычная осторожность и еще что-то необъяснимое снова брали над ним верх.

Накануне дня рождения Снежану охватило необычайное волнение, словно от встречи с Владленом зависела вся ее дальнейшая жизнь. И вот наступил решающий день. Ко-

гда Снежана позвонила Владлену, чтобы уточнить время их встречи, он «рассыпался перед ней мелким бесом»:

— Снежаночка, поздравляю тебя, желаю всего самого наилучшего, желаю, чтобы сбылись все твои мечты!

Сердце Снежаны упало, она сразу поняла, что последует за этими радушными словами. И она не ошиблась.

— К сожалению, сегодня мы с супругой приглашены на юбилей к родственникам!

Снежана просто ахнула. Его отказ был настолько надуманным, что она не могла скрыть своей обиды:

— Что же вы не сказали мне об этом сразу?! По-видимому, вы вообще не хотите со мной встречаться?

— Ну, у нас вопрос пока так не стоит, — заметил он.

— И все же я считаю, что нам с вами нужно встретиться!

— Ну, давай встретимся, — протянул он то ли с нерешительностью, то ли с неохотой.

— Когда у вас будет свободное время, звоните! — с вызовом проговорила Снежана, и отключила телефон.

Полдня Снежана сдерживала горькие слезы. Ее терзали вопросы, на которые она не могла найти ответы. Зачем Владлену нужно было почти целый год устраивать этот цирк? Почему он поставил на телефон «Оду нашей любви»? Была ли она, Снежана, для него игрушкой, всего лишь развлечением, или чем-то большим? Этого она не понимала. Как же невыносимо тяжело было ставить крест на том, что помогло ей выжить после всего, что случилось с ней. Неужели Владлен

был послан Небесами только затем, чтобы помочь ей адаптироваться в коллективе, освоить работу в Бюро, свыкнуться с совершенно новой для нее обстановкой? А как же ей теперь быть с теми чувствами, которые Владлен намеренно старался пробудить в ней, и ему это удалось?!

Владлен отлично понимал, что Снежана не из числа «кабинетных девочек»; такие, как она, подходят только на роль жены. Но одно дело жениться на тридцатилетней Эльвире, а совсем другое — на женщине, которая старше тебя на целых пять лет!.. Это стало бы очередным ударом по его самолюбию. Из-за собственного легкомыслия однажды он уже взял в жены женщину старше себя, но тогда он был вынужден сделать это. Неудачная попытка поменять Марину на молодую и красивую Эльвиру едва не привела Владлена к краху привычного уклада жизни. Он мог потерять жену, которая терпела и прощала ему все похождения, любимого сына, и все совместно нажитое добро.

Его чувства к Снежане были похожи на любовь, но внутренний голос настоятельно требовал положить конец всем его романтическим бредням. Владлен решил постараться забыть о Снежане, и убрал с телефона мелодию вызова «Ода нашей любви».

В честь дня рождения Снежану перед обедом отпустили домой, где она дала волю слезам. Вдоволь наплакавшись, она

стала собираться в ресторан. Наложив макияж, Снежана надела длинное вечернее платье, украсила себя дорогой бижутерией и в гордом одиночестве отправилась в «Седьмое небо».

Поскольку день ее рождения выпал на середину рабочей недели, Снежана оказалась в ресторане единственным посетителем. Зал был погружен в таинственный полумрак. Негромко звучала джазовая музыка. На прекрасно сервированном столике горела свеча, создавая романтическую атмосферу, отчего Снежана почувствовала себя еще более несчастной и одинокой. Пригубив шампанского, она съела пару виноградинок, вяло поковыряла вилкой в экзотическом салате, и отодвинула тарелку. На залитой яркими огнями маленькой эстраде ресторана появилась певица и, взяв микрофон, обратилась к посетительнице:

— Я вам немного спою, чтобы вы не скучали.

У нее оказался красивый теплый голос. Снежана с грустью внимала песням о любви. Она старалась утешить себя мыслью, что не каждому в день своего рождения удастся ангажировать такой шикарный ресторан для себя одного, но это было слабым утешением. Когда звуки музыки затихли, и певица ушла с эстрады, Снежана задула свечу и покинула ресторан.

Через день Владлен приехал в Ведомство. Он выглядел мрачным и злым. В ответ на приветствие Владлена Снежа-

на пробормотала «здравствуйте» и, случайно встретившись с ним взглядом, отвела глаза, сделав вид, что его присутствие нисколько не интересует ее.

В следующую пятницу Владлен опять пожаловал в Ведомство. Войдя в свой бывший кабинет, он сказал:

— Как у вас тут хорошо!..

Из его слов выходило, что он скучает по тем временам, когда работал здесь.

В конце дня, когда Снежана поднималась со второго этажа в свое отделение, на лестнице она столкнулась с уходящим Шмелёвым. Неожиданно Снежана с ужасом ощутила присутствие какой-то чуждой, злой энергии, накрывшей их с Владленом подобием черного мрачного облака. Это враждебное нечто отталкивало их друг от друга, вызывая острую взаимную неприязнь. По-видимому, Владлен почувствовал то же самое, и они расстались, не попрощавшись.

После дня рождения от всего пережитого Снежана снова заболела. Немалую роль в этом сыграла и новая несправедливость. Между Снежаной и Лидией Ивановной произошел неприятный инцидент. Большакова подошла к старшей паспортистке отпроситься домой, так как уже отработала свое положенное время. Сославшись на то, что у них много работы, Осокина не отпустила Снежану. Когда же та возразила, что у нее получается переработка, Лидия Ивановна вспылила:

— Иди! А мы будем здесь пахать!

Услышав такие слова, Снежана сделала вывод, что связываться с Осокиной себе дороже. Если бы здесь был Шмелёв, Снежана отпросилась бы у него, а Кульбенок был ей не защитник. Он, правда, не оставил незамеченным этот небольшой конфликт, но ограничился только замечанием, да и то каким-то полушутливым тоном:

— Лидия Ивановна, вы нарушаете трудовое законодательство!

Старшая паспортистка проигнорировала выпад нового начальника, и Снежане пришлось остаться. Она вернулась в кабинет и продолжила работу. Через некоторое время Осокина остыла и, подойдя к Большаковой, сказала, что та может идти.

Из-за болезни Снежана не смогла попасть на корпоративную вечеринку в честь дня сотрудника силового ведомства, куда ее приглашал сам Кульбенюк. Вместо того чтобы весело провести время с коллегами, Снежана просидела в поликлинике в очереди к участковому врачу.

Во время болезни Снежана пересмотрела свое отношение к Владлену, и решила, что не вправе обижаться на него. Благодаря его вниманию и поддержке, из растерянной, убитой горем женщины, ничего не понимающей в работе, она превратилась в достаточно уверенного в себе человека. Снежана считала себя должницей Владлена, и еще ей отчего-то казалось, что ее звонки помогают ему чувствовать себя на новом месте работы не так одиноко.

По дороге из поликлиники у Снежаны возникло настоящее желание позвонить Владлену, чтобы поздравить с праздником. Хотя у Снежаны был насморк, и болели уши, она набрала номер Владлена. Когда он взял трубку, Снежаной овладела нерешительность, и она чуть было не отключила телефон.

— Слушаю, — прозвучал в трубке голос Владлена, но Снежана никак не могла собраться с мыслями, и молчала.

— Слушаю! — словно чувствуя ее растерянность, поторопился повторить он еще раз.

Едва Снежана начала поздравлять Владлена, как он дважды перебил ее, боясь, что в любой момент его телефон может разрядиться:

— Большое спасибо! Большое спасибо!

Его горячая благодарность привела Снежану в недоумение, и она не нашла ничего лучшего, как с улыбкой ответить:

— Пожалуйста!

А потом произошел сбой в связи и телефон Снежаны отключился с характерным звуком. Беседовали они всего двадцать секунд.

На работе в очередной раз зашел разговор о Владлене, и Снежана вновь наслушалась много нелицеприятного о нем, хотя возможно, он таким и был: несдержанным, придирчивым и даже мелочным. Для них! Но не для нее! По словам Лидии Ивановны, Лариса снова звонила ей и «плакала»:

— Заберите вашего Шмелёва обратно!

— Ну, уж нет, нам его не надо, — возражали девчонки. — Мы с ним работали, теперь пусть они поработают!

— Лариса сказала, что она даже написала отказ от должности старшей паспортистки, — подлила масла в огонь Осокина.

— Он и меня сумел довести до слез, — припомнила Лосенкова. — Я тоже писала заявление об отказе. Видите ли, ему не хватало четкости в моей работе.

Снежане очень нравилась Лариса. Характер у той был мягкий и сговорчивый, но Владлен ухитрился скандалить и с ней, и вообще лютовал на новом месте. Его коронной фразой было:

— Никому ничего нельзя доверять, никто ничего не делает, один я работаю!

Тут вошел Лосев и сообщил Осокиной:

— У Шмелёва умерла тетка, и я еду в Заречье вместо него. На эту новость Лосенкова отреагировала очень бурно, указав пальцем в небо:

— Бог шельму метит! Он все видит!

Снежана не могла понять злорадства Алевтины. Причем тут женщина, которую Лосенкова совсем не знала? Разве тетка должна отвечать за грехи племянника?

Опять вспоминали какую-то барышню, с мобильного которой постоянно звонил Владлен, экономя деньги.

— Да он же ее ни во что не ставил, — продолжила Лосенкова, которая командовала мужем и сыном, словно армейский старшина.

— Что же поделаешь, любовь зла... — хихикнула Атаманова.

«И в самом деле, любовь не картошка, не выбросишь в окошко, — подумала Снежана, соглашаясь с Нонной. — Вот и я уже не могу противиться своим чувствам к Владлену и помогаюсь его любви, забыв о гордости».

Почти каждую пятницу Владлен приезжал в Ведомство. Однажды он появился раньше обычного. Вид у него был понурий и безрадостный. Он пожаловался Лосеву:

— Устаю я там, ребята!

— От любви? — поддел тот Владлена, намекая на его страсти к флирту.

Шмелёв ответил ему мрачным взглядом.

В этот день девчонки должны были мыть полы, так как в кабинетах было очень грязно, а новую уборщицу еще не приняли. Лере со Снежаной достался кабинет начальства. Валерия вымыла свою половину, и передала швабру Снежане. В нарядной красной блузке Снежана меньше всего походила на уборщицу и время от времени она ловила на себе любопытные взгляды Владлена. Домыв пол до стола, за которым сидел Шмелёв с разложенными перед ним документами, Снежана обратилась к нему:

— Владлен Олегович, освободите, пожалуйста, место.

Он встал и впервые с тех пор, как его перевели в Заречье, игриво глянул ей в глаза:

— Неужели надо?

— Да, — твердо ответила она.

Он взял свой стул, и замер, заглядевшись на Снежану. Затем, спохватившись, вышел из-за стола. Домыв полы, Снежана ушла из кабинета. Владлен начал барабанить пальцами по столу, стучать ногой, стараясь унять овладевшее им беспокойство, затем поднялся и сказал, обращаясь к Амиру:

— Пойду, пообщаюсь с народом.

«Народ» в это время таскал в грузовую «Газель» коробки со спецпродукцией для Зареченского отделения, и Владлен тоже включился в работу.

Улучив момент, когда Шмелёв проходил мимо Бюро, Снежана остановила его:

— Владлен Олегович, вы бы хоть в гости меня пригласили, что ли, посмотреть, где вы работаете!

В начале фразы тот насторожился, а затем на его губах появилась усмешка:

— Хочешь со мной поработать?

— Нет, просто интересно, где вы теперь обитаете.

— Ну, приезжай, когда у тебя будет свободное время.

— А у вас так свободного времени и не нашлось?

— С нашим режимом работы трудно найти свободное время, — только и проговорил он в оправдание.

Еще раз Снежана встретилась с Владленом на крыльце. Он стоял, раскрыв мобильник, и ругался, что не может сделать срочный звонок, так как его телефон разрядился. У Снежаны появилось подозрение, что Владлен, видимо, хотел, чтобы она предложила ему свой мобильник, и ей сразу вспомнились сплетни девчонок. Она сделала вид, будто не поняла намека, и с милой улыбкой сказала:

— До свиданья, Владлен Олегович.

— Всего доброго, Снежаночка, — ответил он.

В следующий раз Владлен приехал в Ведомство в отличном настроении. Он все еще щеголял в форменной кожаной куртке, хотя остальные инспектора уже давно перешли на зимнюю форму одежды. Нельзя было не признать, что в

черной кожаной куртке Шмелёв выглядел весьма эффектно. Был в нем какой-то особый шик, которого так недоставало остальным мужчинам.

Заслышав голос Владлена, Снежана сначала побледнела, а затем на ее щеках заиграл яркий румянец. Чтобы поздороваться с Владленом, она вышла из компьютерного отдела через железную дверь, а обратно зашла уже через дверь кабинета замов. Едва Снежана появилась на пороге, Владлен живо отреагировал:

— Здравствуй, Снежана!

И глянул на нее словно заговорщик.

Позже она увидела Владлена в холле в окружении инспекторов. Когда она гордо продефилировала мимо них в модных зимних сапожках, Владлен повернул голову в сторону Снежаны и с одобрением оглядел ее с головы до ног.

Эта встреча укрепила желание Снежаны навестить Владлена в Заречье. Свое намерение она осуществила в ближайшую субботу после работы, и, хотя не была уверена, что поступает правильно, считала, что ей давно уже следует поговорить с Владленом и прояснить сложившуюся ситуацию. Однако поездка оказалась безрезультатной. Двери отделения были закрыты решеткой, на которой висел большой замок.

На днях Снежана узнала новость, которую она, как одинокая женщина, не могла оставить без внимания. Кульбенюк вдруг предложил Лосеву:

— Давай выпьем после работы. У меня для этого есть повод. Сегодня четвертая годовщина моего развода.

Снежана, сидящая с документами, вскинула удивленные глаза на Стефана, который в это время искоса наблюдал за ней. Теперь ей стало понятно, почему Кульбенек лично приглашал ее на корпоратив. Странно, что никто даже словом не обмолвился, что у них в отделе есть свободный, разведенный мужчина, и у него со Снежаной совсем небольшая разница в возрасте. До сегодняшнего дня Снежану удивляло и даже немного обижало, что Стефан с ней всегда предельно вежлив и холоден, и ни разу не назвал ее по имени, в то время как с другими паспортистками мог и пошутить. И вдруг Кульбенек словно намекает, что ей следовало бы обратить на него внимание. Но Снежана привыкла, что мужчины первыми начинают проявлять свой интерес к ней, а она только принимает окончательное решение. Поэтому известие, что Кульбенек свободен, не особенно впечатлило ее.

В последнюю пятницу уходящего года Владлен вновь приехал в Ведомство. Первым делом он прошел в отдел на инспекторскую половину, сел за свободный компьютер и принялся что-то печатать. Он выглядел несколько возбужденным. Из разговоров Снежана поняла, что Владлен пишет какой-то рапорт, то ли на отпуск, то ли на перевод в другое Ведомство. В очередной раз, проходя мимо Снежаны, сидящей за стеклянной перегородкой, и замечая обеспокоенные взгляды женщины, Владлен весело подмигнул ей.

И тогда Снежана решила, что сегодня она, во что бы то ни стало, поговорит с Владленом. По окончании рабочего дня, выйдя вместе с остальными паспортистками из Ведомства, она незаметно отстала от них и вернулась назад. Она долго стояла в нерешительности на лестничной площадке, затем с неистово бьющимся сердцем вошла в холл. Везде было пусто и тихо, только из кабинета замов доносился громкий разговор. Снежана осторожно двинулась вперед, но возле дверей снова остановилась, борясь со страхом быть выставленной Владленом на посмешище. Неожиданно раздавшийся в кабинете гулкий голос Шмелёва напугал ее, и она торопливо ушла. Встав поодаль от входа в Ведомство, Снежана все-таки решила дожидаться Владлена.

В этот день она впервые надела новую темно-коричневую

нутриевую шубку с капюшоном, отороченным, как и манжеты, пушистым песцом. Средней длины, трапецевидной формы, шуба была очень к лицу Снежана, отлично сочетаясь с черной норковой шапкой и сапожками на каблукке. Валерия и Вера пришли в восторг от ее шубы.

— Снежана, ты такая шикарная дама! — воскликнула Вера. — Ходи теперь на работу исключительно через второй этаж.

— Почему это через второй? — закокетничала Снежана, догадываясь, что Вера имеет в виду Всеволода Шаталина, на которого упорно намекала с тех самых пор, как увидела их мило беседующими «за жизнь».

— Потому что там работает твой верный поклонник, — многозначительно сказала Вера.

Несмотря на небольшой мороз, Снежана порядком продрогла, дожидаясь Владлена. Наконец, инспектора и вместе с ними Шмелёв вышли из здания и остановились на крыльце покурить. Вскоре к ним присоединилась Зинаида Петина, которая недавно перешла из вольнонаемных сотрудников в аттестованные и работала теперь в другом подразделении. Зинаида обрадовано воскликнула:

— Ну вот, все снова вместе, как в старые добрые времена! Она в свойственной ей грубоватой манере достала пачку сигарет и закурила вместе с мужчинами.

Стоя на отшибе от их дружеской компании, Снежана особенно остро ощущала свое неприкаянное одиночество. Яр-

кий свет фар разъезжающихся машин слепил ей глаза, и она отворачивалась, испытывая неловкость оттого, что упорно продолжает выставлять себя на всеобщее обозрение.

Владлен сразу заметил Снежану, и, хотя на нем были осенняя кожаная куртка и легкие туфли, дождался, пока другие разъедутся, и только после этого неторопливо направился к своей машине. Снежана шагнула в его сторону и позвала по имени-отчеству. Владлен повернулся к ней. Снежана хватала ртом морозный воздух, и не могла выдать из себя ни слова. Шмелёв пристально взгляделся в ее растерянное лицо и спросил:

— Тебя, что, обижают?

— Нет...

— А что случилось?

— Вопрос касается жизни или смерти, — пролепетала она.

— Что-то с машиной? — встревожился он, думая, что Снежана на своей «Оке» врезалась в какую-нибудь крутую тачку, и теперь у нее большие неприятности.

Она отрицательно покачала головой. Владлен загляделся на Снежану, такую красивую в своей пушистой шубке и такую беззащитную. Жалость и нежность затопили его душу.

— Ты на машине? — спросил он.

— Нет.

— Сядешь? — задал вопрос Владлен, имея в виду свой автомобиль.

— Да, — обрадовалась Снежана, не ожидавшая подобного предложения.

Владлен сел в машину и открыл дверцу с пассажирской стороны. Дождавшись пока Снежана устроится на сидении, он повернулся к ней:

— Ну, давай, рассказывай!

— Мне очень нравится один мужчина, но я не знаю, как ему об этом сказать, — неуверенно начала она, избегая смотреть на Шмелёва.

— Ну, уж сформулируй как-нибудь. И кто он?

— А вы сами не догадываетесь?

— Откуда я могу знать?

— Это вы, Владлен Олегович! — как в пропасть шагнула Снежана.

Казалось, он был не особенно удивлен, словно давно ждал этого признания.

— И я хочу поблагодарить вас за вашу заботу. Если бы не вы, я вряд ли научилась бы работать, и Стригунков уволил бы меня.

— Почему? — удивился он.

— Вы, наверное, помните, какая я пришла к вам: ничего не знающая и не умеющая. Лидия Ивановна не стала бы учить меня. Она меня не любит...

— А нужна ли тебе ее любовь? — с сарказмом осведомился Владлен.

— Вообще-то нет. Просто даже она, женщина, не поняла

всех моих трудностей, а вы поняли.

Заведя машину, Владлен отъехал от крыльца Ведомства.

Набравшись храбрости, Снежана пролепетала:

— Я бы хотела встретиться с вами наедине...

— О, это не по адресу, — с осуждением в голосе заметил Владлен.

— А я наслышана совсем об обратном...

— Лет десять назад я и в самом деле был ловеласом, но не теперь. А почему ты выбрала именно меня?

— Вы относились ко мне по-особенному...

— Ну, я вел себя в соответствии со своей должностью. Когда являешься начальником большого женского коллектива, приходится быть терпеливым и мягким. Я ко всем относился одинаково.

Снежане сразу вспомнились нелестные отзывы Лосенковой, Осокиной и других паспортисток, периодически ругавших Владлена за нетерпимость и придирчивость.

— А мне казалось, что вы выделяли меня из всех сотрудниц, и иногда такое говорили... — тихо произнесла Снежана.

После небольшой паузы Владлен разразился поучительной лекцией:

— Такие как я — люди публичные. У нас жены, дети, в выходные дни мы привязаны к дому. Очень мало свободного времени, да и мест для встреч не так уж и много.

— Сейчас везде сдаются квартиры, — несмело возразила

Снежана.

А Владлен продолжал приводить неопровержимые доводы, почему им не стоит встречаться, но прямо так и не сказал, что не хочет этого.

— При других обстоятельствах я запал бы на тебя, да еще как!.. Но такие разовые встречи не приносят ничего, кроме пустоты.

— Да, если нет любви, — согласилась Снежана.

— И, кроме того, встречаться после работы в засаленной форме... Нет, так я не могу!

— Хотя бы один раз, — прошелестела Снежана.

— Одним разом вряд ли обойдется. Где один, там и другой, а потом затянет. Да, может, меня здесь вообще скоро не будет, так что не стоит и начинать.

— Если у меня с вами ничего не будет, то не будет и ни с кем другим, — совсем сникла Снежана.

— Ну что ты сразу так отчаиваешься? Нужно быть общительнее, годков пять у тебя еще есть в запасе.

Снежану всегда поражало в Шмелёве сочетание грубоватой прямоты с подчас изощренной витиеватостью речи.

— Ты с кем-нибудь встречаешься? — вдруг спросил он.

Этот вопрос обескуражил Снежану. Неужели Владлен думает, что она способна встречаться с одним мужчиной и одновременно договариваться о свидании с другим?!

— Нет, — просто ответила она.

— Почему? Ты интересная женщина, даже более чем. Все

пропорции соблюдены.

— Мне никто не нравится. И потом, мне кажется, что мужчины меня боятся. Я, наверное, строгая.

— Строгая? — переспросил он.

— Ну, не умею заигрывать с мужчинами, не могу вовремя сказать нужные слова...

Подъезжая к дому Снежаны, Владлен заметил, что никогда не бывал в таком запутанном районе. Возле подъезда он заглушил мотор, давая понять, что разговор еще не закончен. Внешне он оставался спокоен, выражение лица было мягким, лишь руки нервно крутили телефон.

— На каком этаже ты живешь? Вдруг придется заскочить как-нибудь, — вскользь обронил Владлен.

— На пятом.

— А подруги у тебя есть?

— Есть, но все они замужние. Одна свободная, но слишком неразборчива в мужчинах. Кстати, она тоже в погонах.

— Это мы о Бодровой говорим? — догадался он.

— Да, о ней.

— А что, они с Винниковым разбежались?

— Да.

— Из-за чего?

— Он сказал ей, что она гуляет как мужик.

— А почему бы тебе не сходить в какой-нибудь клуб, где организуют встречи?

— Да что там делать? Разве там найдешь приличного муж-

чину?

Неожиданно Снежану охватил гнев, и она с вызовом проговорила:

— Вот познакомьте меня со свободным мужчиной! Есть у вас такие друзья?

— Есть у меня один парень, — задумчиво проговорил он.

— Высокий, белобрысый, только он немного неотесанный.

— Ну и сколько ему лет?

— Сорок.

— Хотя нет, не надо, — с горячностью отказалась она. — Я теперь буду долго от вас отходить.

Владлен начал объяснять, что он много думал и решил жить правильно. Он сделал жест ладонью вперед, словно указывая курс:

— А ты взяла и повернула мою голову направо...

— А вы мою налево...

— Твое признание отняло у меня год жизни. А как ты ощущаешь свою любовь ко мне? Больше телом?

— Нет, больше сердцем.

— Мне придется опять долго думать, и, если решу, позволю тебе, — пообещал он.

— Ведь не позвоните, Владлен Олегович!

Он сразу вскинулся, словно бы обиделся:

— Откуда ты знаешь? Жизнь может по-всякому повернуться, так, как и не думаешь.

— Но ведь вы же опять этими словами забрасываете мне

крючок! — укорила его Снежана.

— Я просто хорошо знаю женскую психологию. Если я сейчас резко порву с тобой, тебе же не будет от этого лучше?!

— Мне никак не лучше! — вздохнула она. — Как увижу вас, у меня сердце прыгает.

— Что же мне теперь, разводиться что ли? — вдруг ошарашил он Снежану.

— Нет, не надо, — чуть слышно проговорила она.

— Ну и что ты мне тогда прикажешь делать?

— Я не могу вам приказывать, хотя мне и хотелось бы. А что за рапорт вы писали?

— На отпуск с первого января...

— Вот в отпуске... — Снежана не договорила.

— А возраст? — спросил Владлен.

— Бывает и в десять лет разница!

— Да, бывает, — согласился он.

— Ну, пора прощаться, — сказала она.

Владлен завел мотор. Снежана помедлила, желая еще немного побыть рядом с Владленом:

— Знаю, что надо выходить и ничего не могу с собой поделать. Мне так хорошо с вами...

— Я-то думал, что ничего особенного нет, а тут, оказывается «любовь-морковь»! — задумчиво протянул Владлен. — Ладно, если что, у меня есть твой скрытый телефончик.

Прежде чем захлопнуть дверцу машины, Снежана сказала:

— И все-таки я буду ждать!

— Вот, натворил я дел! — с улыбкой проговорил Владлен, и чувствовалось, что он доволен состоявшимся разговором.

На следующий день после того, как Владлен увез на своей машине Снежану, Кульбенюк при встрече с ней наградил ее презрительным взглядом. Он чувствовал себя оскорбленным. Как же так, ему, начальнику, красивому и свободно-му мужчине предпочли какого-то паяца, который никогда не мог по нормальному завести себе любовницу и боялся жены, как огня?! Стефана удивляло, как Снежана, такая умная красивая женщина, могла связаться со Шмелёвым.

Снежане показалась странной реакция Кульбенюка. С чего бы ему так негодовать? Почему Стефан решил, будто она ему чем-то обязана? Разве это он, а не Шмелёв, беспокоился о ней, учил ее работать и постоянно оказывал знаки внимания? Так на что же Кульбенюк рассчитывал?

Через неделю после того, как Владлен подвез Снежану до дома, он пожаловал в Ведомство «проставляться» в связи с предстоящим отпуском. В позе Шмелёва, сидящего в кабинете замов, чувствовалась какая-то напряженность. Снежана поздоровалась с ним. Медленно повернув голову, он взглянул на нее тяжелым сумрачным взглядом, словно она в чем-то провинилась перед ним, а затем с неохотой процедил:

— Здравсьте...

И Снежана вдруг снова разозлилась на Владлена. Верно говорят, что от любви до ненависти один шаг. Снежану жгла обида на Шмелёва за то, что он втянул ее в свои дурацкие игры: бегал-прыгал с ней, а когда она призналась ему в любви, начал читать нотации. Оказывается, по его словам, он ведет праведный образ жизни, в то время как Снежана предлагает ему заняться аморальным делом, словно она – распутная женщина, а он святоша. Прицепился к ее возрасту! А почему не подумал об этом прежде, чем начать ломать всю эту комедию? Если он считал ее такой старой для себя, зачем обещал что-то решить и позвонить? И с чего бы ему оставлять ее скрытый телефончик? Вот уж воистину странный мужчина! Спросить у женщины, которая любит тебя, разводиться ему с женой или нет! Что это — изощренный садизм или развлечение от скуки? Вместо того чтобы начать встречаться или прямо сказать, что он не хочет иметь с ней никаких дел, он устраивает спектакль одного актера. Возомнил себя знатоком женской психологии! Неужели он искренне полагает, что жить напрасными надеждами лучше? Или он рассчитывает, что она сама все поймет и забудет его?

Так чего же ей ждать от него? В год Кабана он подложил ей свинью, в год Крысы затеял мышиную возню, а в год Быка устроит корриду, что ли? Интересно, кто будет матадором? Одни вопросы и никаких ответов!

Серафима Николаевна, с которой Снежана поделилась своими переживаниями, сказала дочери, что больше ничего

не желает слышать о Владлене, об этом сумасшедшем, который не знает, чего хочет. Прожив достаточно долго, мать считала, что ни один нормальный мужик не откажется от любви женщины, которая ему нравится. Она велела дочери забыть Владлена и понять, что он никогда не придет и не позвонит, потому что он либо дурак, либо импотент. И добавила, что возможно это сам Бог убрал Владлена в Заречье подальше от Снежаны.

Эти слова причинили Снежане нестерпимую боль, хотя она и признавала их правоту, ведь ей было не двадцать лет, чтобы сходить с ума от любви. Уснула она вся в слезах, а утром, открыв глаза, поняла, что «надежда умирает последней».

— И все же я буду его ждать! — сказала она сама себе.

Часть 2

Год быка

1

В отпуске у Владлена появилось достаточно свободного времени, чтобы поразмышлять о работе, о семье, о Снежане.

Впервые увидев Снежану, он был поражен ее чистым нежным обликом. Таких женщин ему еще не доводилось встречать. Едва взглянув в грустные растерянные глаза Снежаны, он вдруг ощутил властное желание утешить ее, поддержать, подставить свое сильное мужское плечо. Для Владлена стало откровением, что кроме влечения тела, оказывается, существует еще и влечение души, когда хочется постоянно быть рядом с обожаемой женщиной, любоваться ею, слушать ее тихий, спокойный голос. В силу своего ершистого характера Владлен иногда невольно обижал Снежану, но потом жалел об этом и всегда старался загладить свою вину. Он не находил покоя до тех пор, пока Снежана не начинала снова улыбаться ему.

Владлен считал свою спутницу жизни Марину хорошей женой. Она умела вкусно готовить, экономно вести хозяйство, вовремя сказать нужные слова, и не жалела денег ему

на подарки, но он никогда не любил Марину.

После армии Владлен, будучи простым сержантом, устроился водителем в военизированной охране, не помышляя о военной карьере. Но случилось так, что он стал личным водителем одного из крупных начальников Управления, который оказался отцом Марины.

Марина влюбилась во Владлена с первого взгляда. Она поставила цель: женить его на себе любым способом, и принялась всячески обхаживать. Молодой человек понравился и родителям Марины. Они частенько оставляли его то на ужин, то на обед, тем более что мать Владлена жила в сельской местности и ему приходилось питаться в столовой. Отец Марины, замечая ухищрения дочери соблазнить Владлена, всячески потакал ей. Нередко он отдавал своему личному водителю распоряжение отвезти дочку куда-нибудь или наоборот привезти, давая им возможность побыть наедине.

Однажды, когда Владлен приехал за отцом Марины к назначенному времени, оказалось, что того срочно вызвал начальник Управления, прислав за ним свою машину.

— Папа дает тебе выходной на сегодняшний день, — объявила Владлену Марина. — Может, позавтракаем вместе?

Молодой человек не стал отказываться, тем более что сегодня он проспал и не успел перекусить. Марина быстро приготовила бутерброды с маслом и красной икрой, подала импортный сыр, шпроты, тонко нарезанный сервелат, постави-

ла бутылочку коньяка и налила по чашке ароматного бразильского кофе. Из одежды на Марине был только шелковый китайский халатик, как бы невзначай приоткрывавший ее грудь.

Владлен выпил рюмку дорогого выдержанного коньяка и сразу захмелел. Шмелёв относился к тому типу мужчин, в которых легко пробуждалась чувственность, и вид полуодетой девушки настроил его на эротический лад. Излишне горячая кровь нередко толкала молодого человека на необдуманные поступки, когда сексуальное желание брало верх над холодной расчетливостью ума. Но в данном случае, понимая свое подчиненное положение, Владлен решил откланяться. Он поднялся из-за стола:

— Спасибо за завтрак, Мариночка! Все было очень вкусно, но я должен идти. Мне нужно поставить машину в гараж...

— Очень жаль, что ты так быстро уходишь, — вздохнула девушка. — Мне бы хотелось, чтобы ты побыл со мной подольше.

И она медленно развязала поясок своего халатика. А затем между ними произошло то, чего Марина так страстно желала. С этого дня они частенько занимались любовью, а через два месяца девушка поняла, что беременна.

Узнав, что дочь ждет ребенка, отец решил серьезно поговорить с Владленом.

— Я и мысли не допускаю, что ты бросишь Мариночку в

таком положении. Она любит тебя и будет тебе хорошей женой. Марина наша единственная дочь, а мы люди не бедные. Окончишь институт, станешь офицером, а уж о твоей карьере я позабочусь. Если хочешь, то и матушку твою перетащим в город. У меня везде большие связи, — расписал будущий тесть все преимущества женитьбы Владлена на Марине.

Владлен был молод, честолюбив и ни в чем не хотел откazyвать себе, а как известно, черт ловит людей на жадность. Так простой деревенский парень попал в капкан, где приманкой были материальные ценности.

Тесть сдержал свои обещания. Мать Владлена переехала в город, сам Владлен поступил в институт и после окончания получил звание лейтенанта, а через десять лет, будучи уже майором, занял должность начальника отделения учета.

Все было бы хорошо, если бы не постоянный контроль жены и надзор тестя. Марина оказалась настолько ревнивой, что осматривала и обнюхивала рубашки мужа, пытаясь отыскать на них следы губной помады или запах духов другой женщины, готовая по любому поводу закатить скандал. Она всегда помнила, что Владлен женился на ней не по любви, а по необходимости.

Да и тесть оказался крутым мужиком. Он все решал за зятя, не принимая никаких возражений. Эти прелести семейной жизни Владлен в полной мере вкусил сразу после рождения сына, и не раз ругал себя последними словами за то, что купился на посулы тестя. Вот тогда-то он и надел на се-

бя маску высокомерия, под которой прятал свои истинные чувства.

Сейчас Шмелёв подходил к критическому сорокалетнему рубежу, когда каждый человек неизбежно начинает подводить итог прожитых лет. Владлен получил почти все, к чему стремился, но после встречи со Снежаной ему вдруг с предельной ясностью открылась простая истина. Он понял, что ни карьера, ни материальные блага ничего не стоят по сравнению с глубокой взаимной любовью, которая лишь одна способна подарить человеку ощущение необычайного душевного подъема и окрыленности.

Владлену хотелось разобраться в себе и отыскать причину, отчего именно Снежана, а не жена или какая-то другая женщина привнесла в его жизнь незнакомое доселе светлое возвышенное чувство. Весь отпуск он с затаенным нетерпением ждал звонка от Снежаны, надеясь, что ее слова помогут ему принять единственно верное решение. Но она не звонила.

Только что встречали Новый Год, затем Рождество и вот уже подошло Крещение. Снежана с Серафимой Николаевной отправились в церковь за святой водой. Очередь началась от самых ворот храма. Погода стояла совсем не крещенская, термометр показывал всего минус два градуса по Цельсию, хотя метеорологи обещали двадцать шесть градусов мороза. Во время крещенских купаний кое-где даже не выдержал лед, и верующие оказались в воде. К счастью, обошлось без жертв; кого-то вытащили спасатели, кого-то доблестные стражи порядка.

Снежана с мамой никогда не относили себя к фанатичным приверженцам православной веры. Конечно, они верили в Бога как в высшее проявление первоначальных сил природы, но их молитвы плохо доходили до Всевышнего, и они привыкли больше полагаться на самих себя. Оглядываясь вокруг, они видели, как за незначительную по человеческим меркам провинность Бог сурово карал одних людей, тогда как другие продолжали творить свои черные дела совершенно безнаказанно. Снежане и Серафиме Николаевне было трудно принять подобное положение вещей, и они нередко роптали на Бога, что в христианстве считается тяжким грехом. Они не могли найти в своей душе должного смирения, как того требует вера, потому что Господь забрал у них са-

мое дорогое в жизни – единственного сына и внука, лишив надежды на будущее.

Снежана пыталась понять, чем она так прогневила Создателя, пославшего ей больного сына, и была категорически не согласна с тем, что за грехи предков должны отвечать ни в чем не повинные потомки. Как любая земная женщина, она хотела быть счастливой в этой жизни. А что будет за последней гранью, человеку знать не дано.

Снежана едва дождалась, когда закончатся новогодние капризулы. Работа отвлекала ее от грустных мыслей, а дома она ничем не могла себя занять. Она постоянно думала о Владлене, который поехал отдыхать вместе с семьей в Санкт-Петербург, где сама Снежана не бывала. Сколько бы радости принесла ей совместная поездка с Владленом, но он находился там со своей женой, а Снежана была здесь, одна.

В первый рабочий день после новогоднего отдыха Осокина, которой Кульбенюк презентовал бутылочку «Белого аиста», во время обеденного перерыва позвала Снежану выпить коньячку. Лидия Ивановна, Алевтина и Снежана налили себе по два глотка, «чокнулись» и выпили. Старшая паспортистка заметила, как хорошо пошел коньячок – внутри сразу стало горячо. Если бы Стригунков видел, чем занимаются его паспортистки в обед, он сразу уволил бы их, но он ушел в отпуск, и поэтому дамы позволили себе немного расслабиться. Кульбенюк тоже не было, он болел.

— Перекупался на Крещение! — заметила Лосенкова, узнав, что начальник на больничном.

Хотя, скорее всего, Стефан перебрал на праздники. Он никогда не отказывался выпить.

В Ведомстве закончились госномера и паспортисток отпустили домой пораньше. А следующий день в Бюро был настоящим днем отдыха. Напечатав с десятков заявлений, Снежана с Лерой уселись рядышком и принялись изучать кулинарную книгу. Они даже нашли кое-какие интересные рецепты блюд, которые им захотелось приготовить.

На днях, когда Снежана возвращалась со второго этажа в Бюро, ее остановила женщина, в которой она узнала свою школьную подругу Клару. Они учились вместе с шестого по восьмой класс, и были тогда весьма дружны. Снежана нередко приходила в гости к Кларе, которая жила недалеко от школы в «сталинке» вместе с мамой, бабушкой и прабабушкой. Снежане казалось, что в их подъезде пахнет лягушками, а Клара всегда возражала, что дустом. Клара осталась учиться в девятом классе, а Снежана поступила в педагогическое училище, и их пути разошлись. Они не виделись, наверное, лет пятнадцать. Однажды Снежана случайно встретила на улице Клару вместе с маленьким сыном и мужем, намного старше ее. И вот новая встреча, уже в холле Ведомства. Для своих сорока трех лет Клара выглядела весьма неплохо.

— А я смотрю, ты или не ты, — сказала она Снежане.

Они немного поболтали и обменялись телефонами. Оказалось, что Клара в разводе с мужем, который нашел себе женщину моложе ее, а потом рассказала, что недавно женила сына и тоже любит водить машину. Затем Клара со Снежаной раскритиковали современных мужчин, которые ждут, когда дамы сами пригласят их к себе домой, напоят, накормят и в постельку уложат.

— Измельчали нынешние мужики, — пришли к неутешительному выводу подруги.

Двадцать шестого января по китайскому календарю наступил год Быка, который был отмечен солнечным затмением. Ночью Снежане приснился белый бык, что знаменовало большую удачу в Новом году. Правда, потом бык превратился в белого кота, а затем в пятнистого, который с удовольствием гулял под дождем.

Шли дни, жизнь текла в своем обычном русле: работа — дом, дом — работа. Изредка приходилось заниматься неотложными делами: подавать декларацию в налоговую, получать медицинский полис по новому адресу, и ничего личного.

С Владленом они не виделись уже шестую пятницу, и Снежане иногда начинало казаться, что все, связанное с ним, не более чем сон.

В один из выходных дней Снежану пригласили на об-

мывку очередных званий, присвоенных офицерам их подразделения. Праздновали в ресторане «Китайский квартал» в вип-зале с отдельным входом. Столы стояли буквой «П», за которыми сидела орава инспекторов, а женщин вместе со Снежаной оказалось всего пятеро. Застолье возглавлял сам Стригунков. Каждому из виновников торжества полагалось выпить по стакану водки, на дне которого блестели звезды. Лучше всех выдержал испытание Алексей Краснов. Затем Станислав Витальевич уехал, переложив обязанности на Стефана Кульбенка. Тот, надо отдать ему должное, справился со своей ролью достойно, хотя выпил не так уж и мало.

На этой обмывке Снежане открылась одна любопытная тайна, которая для всех остальных была давно не секретом. Оказалось, у Кульбенка в одном из отделов их подразделения есть любовница Валентина Коробейникова.

Эта маленькая крашеная блондинка в очочках была похожа на скромную пионерку-отличницу, но когда она поднимала глаза, это впечатление сразу улетучивалось. Жесткий взгляд темно-карих глаз выдавал в ней женщину, которая ни перед чем не остановится, чтобы добиться своей цели. Со Снежаной Валентина всегда держалась доброжелательно, не раз приглашая ее в кабинет, где работала, попить чайку, да и просто поболтать, посплетничать. Она даже подарила Снежане чайную пару. Как-то, увидев, что Валентина после обеда моет прозрачные голубые чашки, Снежана сказала, что давно хотела купить такую, но все как-то не получалось.

— Возьми себе одну, у нас в отделе много таких чашек,
— радушно предложила Валентина.

Поблагодарив, Снежана взяла чашку, но чай из нее оказался не особенно вкусным.

Снежана долго не могла понять, чем она обязана столь пристальному вниманию со стороны Коробейниковой, ведь по работе они почти не касались друг друга. И только когда выяснилось, что Валентина — пассия Кульбенка, все сразу встало на свои места. С появлением симпатичной разведенной паспортистки для Валентины возникла угроза, что Стефан может заинтересоваться Снежаной.

Сама Валентина была замужем во второй раз и в каждом браке родила по ребенку. Со Стефаном они встречались уже давно, но он ни разу не завел разговор о том, чтобы Валентина разошлась с мужем. И с первым, и со вторым мужем Валентине не хватало накала страстей, а Кульбенок сумел удовлетворить ее сексуальные запросы. К тому же Стефан был довольно красив и щедр.

Обмывка звезд проходила дружно и весело: танцевали, шутили, поднимали заздравные тосты. Снежана пользовалась успехом у мужчин. Ее приглашали не только танцевать, но и сделали предложение сходить в сауну, а Лосев позвал прогуляться наедине, но она всем тактично отказала. Если бы на их месте был Владлен, с ним бы Снежана отправилась хоть на край света!

На этой обмывке Снежана обратила внимание, каким вос-

хищенным взглядом следит за ней зареченский подполковник Рамиль Газатов, выделяющийся восточной красотой и жарким блеском карих глаз. Рамиль не принимал участие в танцах, видимо из-за своей небольшой хромоты, которая еще оставалась у него после того, как он сломал ногу. Время от времени Снежана заинтересованно поглядывала на Рамиля, а когда объявили белый танец, пригласила его. Он с благодарностью принял ее приглашение. Они еще не были знакомы, и во время танца Газатов спросил:

— И где же у нас такая красавица работает?

— Паспортисткой в отделении учета, — засмушалась Снежана.

— Как хорошо, что наши отделы объединили! Теперь будем чаще встречаться.

— Главное, что наш коллектив большой и дружный.

Танцуя с Рамилем, Снежана заметила пристальный интерес молодого майора Марата Тагирова, совсем недавно назначенного начальником экзаменационного отдела. Марат был достаточно высок, хорошо сложен и довольно симпатичен. Алевтина Лосенкова тоже заметила, что Тагиров не сводит глаз со Снежаны, и посоветовала той держаться от него подальше, охарактеризовав его как заядлого бабника.

На этом празднике Снежане пришлось впервые попробовать водку, потому что на столе не было никаких других горячительных напитков. Инспектор Шмыголь научил Снежану разбавлять водку соком, делать так называемую «отверт-

ку». Такой коктейль больше пришелся по вкусу Снежане, нежели сорокоградусная.

Туманов, сидевший рядом со Снежаной за столом, спросил ее после того, как она отказалась идти с ним в сауну:

— Ты у нас кто, поэтесса?

— Да написала одну книжку, — усмехнулась она.

— Нужно больше не головой работать, а «треугольничком», — наставительно произнес Пётр Иванович.

Ничего значительного на этой гулянке не произошло, зато натанцевалась Снежана от души. И хотя домой она отправилась без провожатого, это не испортило ей хорошего настроения.

Первая декада февраля выдалась тяжелой. Наконец-то в Ведомство завезли автомобильные номера. Народ шел толпами. Чтобы справиться с большим наплывом посетителей, Стригунков на полчаса сократил обед всем сотрудникам и сделал вторники рабочими с восьми утра до восьми вечера. Да еще надумал вернуть в Бюро прежнюю услугу — оформление заявлений на водительские удостоверения. В отделении учета начались жаркие денечки.

Стригунков с самого начала показал себя мастаком на всякого рода новшества, которые осложняли жизнь не только аттестованному, но и вольнонаемному составу.

В качестве эксперимента Станислав Витальевич решил поделить отпуск паспортисток на две части. Первая половина отпуска у Снежаны пришлась на середину февраля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.